

Мастера современной
литературы

Герольд БЕЛЬГЕР

A portrait of Gerold Belgier, a middle-aged man with grey hair, wearing a light-colored checkered suit jacket, a white shirt, and a dark blue striped tie. He has a gold medal with a blue ribbon pinned to his left lapel. The background is a solid blue color.

О Леонарде
КОШУТЕ

(Статьи, эссе, письма)

Леонард КОШУТ

Герольд БЕЛЬГЕР

О Леонарде КОШУТЕ

(Статьи, эссе, письма)

Издательский дом "Библиотека Олжаса"
Алматы, 2013 г.

УДК 821.0
ББК 83,3 (5 каз)
Б-43

Ответственный редактор
Сафар Абдулло

Бельгер Герольд.

Б-43 "О Леонарде Кошуте". Алматы, Издательский дом
«Библиотека Олжаса», 2013. – 176 с.

ISBN 978-601-7315-42-9

Леонард Кошут (1923) – уникальная личность на литературном небосклоне. Издатель, переводчик, критик, эссеист, популяризатор национальных литератур бывшего Советского Союза, он снискал доброе имя в литературном мире, обретя искренних друзей во многих странах. Он живет в Берлине, по национальности полу-украинец, полу-австриец. В Казахстане он бывал восемь раз. Им составлены книги и написаны статьи-исследования о В. Маяковском, С. Есенине, Б. Окуджаве, О. Сулейменове, А. Нурпеисове, Д. Досжанове, Г. Бельгере и многих других. Л. Кошут блестяще перевел на немецкий язык двадцать стихотворений Абая, изданных в Германии и Казахстане. Л. Кошут – лауреат премии Казахстанского ПЕН-клуба.

В основу данной книги вошли статьи выдающегося современного казахстанского писателя и мыслителя Герольда Бельгера о Л. Кошуте и часть его писем.

УДК 821.0
ББК 83,3 (5 каз)

555036

- © Бельгер Г., 2013
© Издательский дом «Библиотека
Олжаса», 2013
© Ответ.ред. Абдулло С., 2013

ISBN 978-601-7315-42-9
Северо-Казахстанская

областная библиотека

им. С. МУКАНОВА

г. Петропавловск

I
СТАТЬИ О ЛЕОНАРДЕ
КОШУТЕ

ПРИЯТНАЯ ВЕСТЬ ИЗ БЕРЛИНА

(О книге «Фольк унд Вельт» и ее авторе)

Из Берлина пришла бандероль. В ней объемистая – в 380 страниц – книга. В переводе с немецкого называется «Фольк унд Вельт. Автобиографические свидетельства об одном легендарном издательстве». Автор книги – Леонард Кошут. Большинство литераторов бывшего СССР называют его просто Лео. «Дорогой Лео», – так обращаюсь я к нему в письмах уже тридцать лет.

Не знаю, говорит ли нынешнему поколению казахстанцев о чем-то само название книги и имя автора. А для литераторов моего поколения (и не только казахстанцев, а всех, без исключения, республик бывшего СССР) и само издательство «Фольк унд Вельт», и его многолетний заведующий отделом советской литературы – общительный, элегантный, обаятельный, добрый человек и признанный литературный критик, литературовед, эссеист, переводчик, составитель книг и редактор Лео Кошут стали поистине легендарными.

Верный друг многих выдающихся советских и постсоветских писателей многонационального СССР Лео Кошут пользовался в течение десятилетий заслуженным авторитетом и любовью и у казахстанских литераторов. Кстати, то же можно сказать и о его супруге, известной переводчице с русского языка Шарлотте Кошут.

О штандпункте

В письме от 13 сентября 1998 года автору этих строк Лео Кошут пишет:

«...Все же мне жаль, что не удалось больше сделать – и во времена ГДР и после, когда мне мерещилась целая библиотека “ex oriente”, начиная с уже намеченной книги Абиша, а вышли только первые две книжки библиотеки – издательство целиком провалилось. Но все тридцать лет, которые я проработал в издательстве «Культур унд Фортшритт. Фольк унд Вельт» (оно потом так и называлось просто «Фольк унд Вельт») я отстаивал убеждение, что мы издаем не просто советскую литературу, а определенные национальные литературы со своими традициями и особенностями. Это, во-первых, многие не понимали (бывали и идеологические страхи), а, во-вторых, это сталкивалось с интересами других редакций.

А что касается самого моего занятия отдельными национальными программами, в том числе казахской (и казахстанскими), то я сам был бы намного беднее без него, был бы просто другим (во взглядах на мир менее богатым) человеком. В этом отношении меня обогатило даже то, что я прочитал, но что я не смог пробить в планы издательства...»

Немного подробнее о самом авторе книги «Фольк унд Вельт»

Заслуги Лео Кошута (Leonhard Kossuth, Берлин, род. 25.07.1923 г. в Киеве) в популяризации литературы нынешних стран СНГ, в том числе и казахской литературы, бесспорно, огромны. Более тридцати лет (1958-1989) работая последовательно заместителем главного редактора, а потом главным редактором, заведующим отделом советской литературы в издательстве «Культура и прогресс. Народ и мир» (“Kultur und Fortschritt. Volk und Welt”, Берлин), он все свои силы, знания, талант и незаурядные организаторские способности по велению сердца интернационалиста и гуманиста посвятил пропаганде лучших образцов русской и многонациональной литературы экс-СССР на немецком языке (А. Блок, В. Маяковский, М. Булгаков, А. Платонов, К. Симонов, В. Тендряков, Ю. Три-

фонов, Д. Гранин, О. Сулейменов, М. Слуцкис, Ч. Айтматов, Б. Окуджава, О. Чиладзе, А. Кекилбаев, Ю. Рытхеу и многие-многие другие).

Лео Кошут и сам успешно переводит на немецкий язык произведения многих выдающихся русских и национальных писателей, составляет книги, пишет предисловия к ним, статьи о них в немецких периодических изданиях, организовывает радиопередачи, состоит в постоянном творческом контакте с крупнейшими писателями бывшего Советского Союза.

Особенно следует подчеркнуть его давние и плодотворные контакты с казахской литературой. В течение 60-80 годов он неоднократно приезжал с группой редакторов и переводчиков в Казахстан, налаживал живую творческую связь с казахстанскими литераторами, знакомился с их творчеством, отбирал наиболее достойные произведения для перевода на немецкий язык и с любовью и тщанием, профессионально издавал их в издательствах Берлина «Фольк унд Вельт» и «Ауфбау» (в последнем издательстве долгие годы работала его жена Шарлотта Кошут, переводчица и литературовед, также много сделавшая в деле пропаганды литературы народов СССР).

Вот перечень книг казахстанских писателей, увидевших свет в Германии (бывшей ГДР) благодаря непосредственному участию Леонарда Кошута:

1. Тахауи Ахтанов. Грозные годы. 1960.
2. Мухтар Ауэзов. Путь Абая. 1961.
3. Мухтар Ауэзов. Серый лютый. 1962.
4. Мухтар Ауэзов. Выстрел на перевале. 1964.
5. Ануар Алимжанов. Стрелы Махамбета. 1971.
6. Абиш Кекилбаев. Баллады забытых лет. 1972.
7. Мухтар Ауэзов. Лихая година. 1974.
8. Дукенбай Досжанов. Полынь и цветы. 1975.
9. Абиш Кекилбаев. Хатынгольская баллада. 1975.
10. Сатимжан Санбаев. Когда жаждут мифа. 1976.
11. Морис Симашко. Маздак. 1976.
12. Белая аруана. Рассказы казахских писателей. (Предисловие З. Клейнмихель, послесловие Мурата Ауэзова). 1979.
13. Оралхан Бокеев. Когда уходят Плеяды. 1980.
14. Морис Симашко. Емшан. 1980.
15. Абиш Кекилбаев. Конец легенды. 1980.
16. Олжас Сулейменов. По азимуту кочевых народов. 1981.
17. Морис Симашко. Искупление Дабира. 1961.
18. Антология «Десять советских немецких писателей» (Предисловие Г. Бельгера). 1982.

19. Абиш Кекилбаев. Степной колодец. 1982.
20. Абиш Кекилбаев. Соломинка удачи. 1985.
21. Дукенбай Досжанов. Шелковый путь. 1987.

Примечательно, что под непосредственным руководством жены Л. Кошута – Шарлотты в издательстве «Ауфбау» были красочно изданы романы «Сумерки», «Мытарства», «Крушение» Абдижамила Нурпеисова, который в 1973 году пригласил супругов Кошут в Алматы, где они в юрте зоотехника Турсунбая Биримкулова (в Узун-Агаче) нарекли именем Шарлотта его новорожденную дочь, ставшую, таким образом, их названной дочерью.

*Леонард Кошут с супругой Шарлоттой,
декабрь 1984 г.*

В этом году Лео Кошуту исполняется 80 лет¹. Он по-прежнему не теряет связей с Казахстаном, переписывается со многими, пишет и составляет книги, с радостью встречается со всеми казахстанцами, бывшими в Берлине.

О чем книга?

Ныне принято ругать или – по крайней мере – снисходительно-скептически говорить о том, ЧТО и КАК было в социалистической ГДР. Впрочем, такая же тональность нередко звучит в досужих измышлениях иных бойких перерожденцев, когда речь заходит и о СССР. Я прожил большую часть своей жизни в той эпохе, видел и испытал на себе все ее прелести в кавычках и без, да и личных обид полный мешок, однако и поныне вся моя душа противится тому, чтобы однозначно, одномерно охаивать все прошлое. Что было, то было... В социальном, культурном отношении, несомненно, был и позитив, о котором ныне можно вспоминать только с тоской. В данном случае я имею в виду культурные, творческие, книгоиздательские контакты между разными республиками и странами. Были благие явления, которые капиталистической эпохе и не снятся. Которые воспринимаются в век золотого тельца как легенда.

---

¹ Статья написана в 2003 г.

Вот об одном из таких ярких и светлых явлений той эпохи – о легендарном издательстве «Фольк унд Вельт» в ГДР – обстоятельно, с конкретными фактами, выверенными ссылками повествует берлинец Леонард Кошут, более тридцати лет плодотворно служивший духовным контактам двух ныне не существующих стран – СССР и ГДР.

На долю Лео Кошута выпал счастливый жребий, высокая духовная миссия быть верным другом, деятельным издателем, блестящим переводчиком, пропагандистом, благожелательным критиком и знатоком русской (классической и современной) и многонациональной, так называемой советской литературы. За долгие годы работы в издательствах «Культур унд Фортшритт» и «Фольк унд Вельт» (впоследствии объединившихся) он ежегодно по два-три раза приезжал в Москву (как правило с группой редакторов – специалистов по той или иной литературе), объездил все республики, завел личные творческие контакты с общественными организациями, издательствами, редакциями журналов, а также с подавляющим большинством известных писателей необъятного СССР.

Организация, структура, направление, творческие поиски, талантливый коллектив издательств, сложные перипетии по изданию той

или иной книги, серий, переводческие проблемы, непростые деловые отношения с властью (известно, что по части бюрократии немцы, пожалуй, впереди планеты всей), многочисленные встречи с писателями, читательские конференции, комические, трагические, шепетильные ситуации, интриги (как же без них в творческой жизни?), дружба и благородство и многое, многое другое – все вместе являются объектом книги, ее содержанием и пафосом.

Книга читается с неослабевающим интересом. Лично мне в ней многое знакомо. Знакомы имена и судьбы немецких писателей, издателей, редакторов, литературоведов, в т.ч. и тех, кто в годы фашизма жил в СССР, а позднее работал в московской газете «Нойес Лебен» и других изданиях Москвы; знакомы русские и национальные литераторы (особенно азиатских республик); в курсе я также многих поездок Кошута и его коллег по городам и весям нашей страны. С 1973 года нахожусь в переписке и с Кошутым, и со многими его сотрудниками. Десятилетиями был как бы внештатным информатором этого издательства по казахской и российско-немецкой литературам, встречался с Лео в Алма-Ате, Москве, Берлине в официальной обстановке и в домашнем кругу, и потому все, о чем повествует автор в своей книге, я воспринимаю с сердечным трепетом, как не-

что родное и близкое. Да и многое из того, что Лео Кошут написал и издал, он считал нужным мне регулярно присылать. И все его письма я бережно храню как документ эпохи.

Все вскользь перечисленные мною выше темы нашли отражение в книге Лео Кошута в подробном изложении с вкраплениями в виде статей, фрагментов, интервью, бесед, фотографий, справочной литературы, живо свидетельствующих о времени и людских (писательских) судьбах.

Как построена книга?

Книга построена по принципу линейного повествования, т.е. строго хронологически от образования издательства до потери его статуса в связи с распадом ГДР. Время и место повествования распределены по 37 главам, подчиненным определенной теме. Вот некоторые названия глав: «Эпилог в качестве пролога» (речь здесь идет об истоках издательства, его основателях, предшественниках и политической атмосфере того времени), «Приход к «Культур унд Фортшритт» (процесс взаимодействия и постепенного слияния двух издательств), «Битва в пути» (трудный путь становления издательства), «13 августа 1961 года» (сложные идеологические перипетии в литературном и

издательском деле), «Путь к национальным литературам» («Фольк унд Вельт» издало литературу 23 народностей СССР), «В поисках идеальной структуры» и т.д.

В эти главы вкраплены статьи, вставные новеллы типа «Абай в Берлине», «Маяковский в Германии», «Из Дома дружбы», «Алма-Ата – культурный центр российских немцев», «Наш партнер – журнал «Советская литература», «Есенин и его переводы на немецком», «Трифонов – Айтматов – Быков – Чиладзе», а также ряд бесед, интервью с Айтматовым, Граниным, Анаром, Окуджавой, Марцинкявичюсом, Слуцким, Рытхеу и др.

Национальным литературам бывшего СССР в книге Л. Кошутом уделено много внимания. Скажем, литовской, латышской и эстонской литературам посвящена отдельная глава (13-ая); молдавской – отдельная (16-ая); в другой главе речь идет исключительно о литературе Казахстана и российских немцев (17-ая). По отдельной главе выделено в книге русской; украинской и белорусской; киргизской, узбекской, таджикской, туркменской; грузинской, армянской, азербайджанской литературам. Кошут увлекательно рассказывает о своих поездках в эти республики, о многочисленных встречах с местными литераторами, о творческих контактах, об отборе рукописей, о переводе и издании

книг. Эти главы, уверен, вызовут ностальгию у многих писателей советской эпохи. Ведь тех контактов, встреч, декад, бесед в многочисленных Домах творчества, взаимопереводов, взаимопроникновений, взаимовлияний ныне и в помине нет, все национальные литературы варятся в собственном соку, и что творится в культурной и духовной жизни соседей также никто не знает. И это одна из самых больших потерь, бед, который принес «парад независимостей». И своей книгой Л. Кошут напоминает нам то благодатное время, напомнив поименно всех друзей «большой» литературы большой страны, которые честно и достойно представляли и свой народ, свою национальную литературу, и ту страну, выпавшую ныне из истории. Братство и дружба национальных литератур явились той прекрасной реальностью, о которой следует помнить. Книга Кошута – яркое и живое свидетельство той неизбежной поры.

Одна глава книги Кошута посвящена переводчикам советской литературы на немецкий язык. В ГДР их выросла целая плеяда. Наиболее известными переводчиками были Г. Гупперт, Г. Ангарова, Т. Решке, Е. Пацунг, Э. Тиле, Э. Арндт, К. Лихтенфельд, В. Элерт, Ш. Кошут, Х. Бурк, Р. Ланда, И. Чёртнер, Х. Херборт, В. Арндт, И. Шрёдер, Г. Кюбарт, А. Франк и многие, многие другие. С некоторыми из них я

555036
был знаком, с иными переписывался, переводы многих я сравнивал-сопоставлял с оригиналами и должен сказать, что это были прекрасные мастера, знатоки языков, относившиеся к своему делу ответственно и творчески. Они, как правило, переводили с русского. Но в «Фолькунд Вельт» группировались знатоки и национальных языков, переводившие на немецкий язык непосредственно с латышского, эстонского, литовского, грузинского, украинского языков. Я знаю, Зигрид Клейнмихель делала попытки переводить непосредственно с казахского. Сейчас я с тревогой и тоской думаю: что стало с этими кадрами, оказались ли они востребованными в нынешнем ФРГ? Прекрасным переводчиком зарекомендовал себя и сам Лео Кошут. В его книге там и сям воспроизведены его стихотворные переводы из Лермонтова, Окуджавы, Казаковой, Абая. Они отмечены глубоким проникновением в стихию оригинала.

Любопытны встречающиеся в каждой главе своеобразные короткие вставки под названием: «Рассказать вам про один случай?» Эти лапидарные зарисовки, картинки являют собой какой-нибудь интересный факт или забавный случай из встреч и путешествий автора, отражающие дух эпохи или определенную ситуацию. Эти вставки весьма колоритно оживляют повествование.

Семейство Казахстана
областная библиотека
им. С. МУКАНОВА
г. Петропавловск

Выгодно и эффектно дополняет книгу ее справочный материал. Тут и библиография всех изданий, увидевших свет в издательстве «Фольк унд Вельт» в промежуток между 1987-2001 годами. Я насчитал 162 названия книг, не считая вошедших в отдельные самостоятельные серии. Впечатляющая, наглядная картина широкомасштабной деятельности.

Отдельной главой воспроизведена в книге персональная библиография автора: его издания, предисловия и послесловия к книгам, переводы, интервью, очерки, эссе, выступления по радио, публикации в газетах и журналах. Они составляют также солидный творческий багаж. И свидетельствуют о том, что Лео Кошут никогда не сидел, сложа руки.

В конце книги дан список имен, встречающихся в книге в порядке немецкого алфавита от Абая до Цветаевой – несколько сот имен. Наиболее часто упоминаются в книге Гранин, Окуджава, Айтматов, Трифонов, Эренбург, Маяковский, Есенин, Евтушенко, Шрёдер. Из казахстанских литераторов в книге упоминаются Абай, Ауэзов, Мустафин, Ахтанов, Алимжанов, Нурпеисов, Кекилбаев, Бельгер, Курманов, Исабаев... С особенной любовью пишет Лео Кошут о Казахстане, о казахских писателях, о том, как в 1973 году его с женой пригласил в Казахстан Абдижамил Нурпеисов, как щедро и

радушно их принимали в городе, в степи, как жили в юрте, сколько было радостных встреч и незабываемых впечатлений. В книге представлены 66 фотографий, три из них отражают казахстанскую тематику. Увидела книга свет в Берлине в издательстве «Нора».

Л. Кошут и А. Кекилбаев, Берлин, 2007 г.

* * *

Лео Кошут должен (обязан) был написать эту книгу (кто, если не он?!), и он ее написал. Честь ему и слава!

О ярких страницах наших недавних духовных и культурных контактах мы должны были знать и мы о том узнали. Важнее, понятно, что-

Геральд Бельгер

бы о том знали и помнили грядущие поколения. Наш германский коллега и собрат написал книгу полезную, поучительную, правдивую, убедительно поведал о том, что сам видел, пережил, почувствовал, положив в фундамент духовного единения культур и народов, по-абаевски выражаясь, крепкий кирпич. Мы, его казахстанские друзья, приветствуем выход его книги и благодарим за добрую, неизбывную память, за совершенные им в нужное, непростое время благородные деяния.

НА ПУТИ К НЕМЕЦКОМУ АБАЮ

I

Сколько написано статей и произнесено слов о том, что Абай до сих пор звучит в переводах неадекватно! И я о том писал не раз, обстоятельно анализировал разные переводы, даже объяснял, почему именно трудно переводить Абая, в чем тут причина, и какие могут быть тут пути-выходы. И книг с переводами Абая составил в разное время немало. Был инициатором того, чтобы в сборниках Абая одно и то же стихотворение его давалось в разных переводах, дабы читатель мог сравнивать, сопоставлять, анализировать, «постигнуть суть», как сам призывал Поэт. Более того, для двуязычных я предлагал непременно приводить и оригинал. Таких сборников существует уже несколько. По этому пути пошел и переводчик Марат Адибаев, подготовив своеобразную книгу «Двадцать стихотворений Абая», в которую, помимо других на его взгляд удачных переводов, он дерзнул включить и собственные переводы. Такой путь мне кажется наиболее оптимальным в постижении поэзии Абая.

Однако в данной статье мне хочется поговорить не о русском Абае, а о немецком. Абая

на русский язык переводят уже давно, и переводчиков его существует не один десяток, а вот Абай для немецкого читателя пока что terra incognita. Немецкий народ имеет представление о великом казахском поэте и мыслителе главным образом по «Пути Абая» Мухтара Ауэзова, изданном на заре ГДР, и кратким статьям в энциклопедических словарях. И хотя наши доброхоты и донкихоты, как, например, писатель Калмухан Исабай, усиленно пропагандируют Абая в Германии, используя для этого все мыслимые и немыслимые возможности и обстоятельства, и даже добились того, чтобы в Берлине появилась улица имени Абая, однако само творчество казахского классика, переводившего через Лермонтова гетевского «Wanderer's Nachtlied», до сих пор немецкому читателю крайне мало или почти неизвестно. То, что переведено на немецкий язык, – факт спорадический. И, кажется, ни одно стихотворение Абая на немецкий язык не переведено непосредственно с оригинала. Все имеющиеся переводы сделаны с русского. Следовательно, переводческие изъяны на русском волей-неволей отражаются и на немецком, ибо скрупулезные и дотошные немцы переводят по обыкновению весьма точно, стараясь максимально соблюдать и содержание, и форму того, с чего переводят, следуя аккуратно и честно всем его внешним

признакам, стремясь, насколько возможно, избегать какой-либо отсебятины и вольности. Уповаю на время, когда родится переводчик, способный адекватно передать Абая на языке Гете прямо с оригинала, что в настоящее время и представить мудрено.

II

Спрашивается: «Что переведено из Абая на немецкий язык к настоящему времени?». Вот что мне доподлинно известно:

В 1976 году Герберт Генке издал в Алма-Ате антологию казахской поэзии на немецком языке под названием «Rhythmen der Steppe». В этот сборник вошли два стихотворения Абая: «Des Mädchens Antwort» (пер. S. Österreicher). Потом, после долгих лет, в 1993 г. в альманахе «Феникс» (№ 2) были опубликованы три стихотворения Абая – «Schmetterling», «Das sind die Jungen, das Ende der Welt» и «Auf den Bazar, wie ich sehe, jeder führt hin» в переводе лужичанки Розы (Руже) Домашинной. Помню, эти переводы принес мне поэт Кайрат Бакбергенев, неравнодушный к немецкой поэзии и многие годы поддерживающий творческие контакты с сорбами. Домашина в примечании оговорила: перевод осуществлен при участии Кайрата. От имени редакции альманаха я предпослал этой подборке предисловие, в котором, в частности, сказал:

«Не будем вдаваться здесь в обстоятельный филологический анализ переводов (как русского, так и немецкого), дабы не выявлять – как выразился сам Абай – «огрехов, видных на каждом шагу». Речь идет о самом культурологическом факте, духовном стремлении, порыве, об опыте постижения Абая. А чтобы гипотетический читатель имел возможность судить о переводе, сопоставлять и анализировать, мы посчитали целесообразным привести и оригинал, и его русское переложение. Первое стихотворение в оригинале называется «Тоты құс түсті көбелек» (в пер. М. Петровых «Мотыльки, чей светел наряд»), второе – «Заман ақыр жастары» (в пер. А. Арго «Погляди на молодежь»), третье – «Базарға, қарап тұрсам, әркім барар» (в пер. Л. Шифферс «Каждый за товаром едет на базар»). Переводы Р. Домашинной оставляют двойственное впечатление. Они лишены рифмы, передают лишь буквальный смысл, и тем самым больше похожи на подстрочный перевод русского текста. Получилось то, что казахи называют «бір қайнауы ішінде», т.е. «нечто еще недоваренное», «то, что нуждается еще в одной варке». Это еще не художественный перевод, а, скорее, проба, опыт, переклад.

То же примерно я могу сказать о переводах трех стихотворений Абая, осуществленных гражданином Германии Томасо'м Кеманп'ом,

– «Der Jünglings Worte», «Der Sommer», «Ich bin enttäuscht». Они опубликованы в журнале «Абай» (№ 10/94). Удачными я эти переводы не назвал бы. Переводчик рабски следовал русскому тексту, не чувствуя, не ощущая достоинства оригинала. Если Лев Толстой считал перевод «изнанкой ковра», то здесь мы имеем дело с изнанкой изнанки. Отдаленная тень есть, но и только.

Накануне 150-летия со дня рождения Абая, известный казахский прозаик, президент Казахского ПЕН-клуба Абдижамил Нурпеисов пригласил в Алматы выдающегося русского поэта Михаила Дудина. И тот по моим подстрочникам перевел на русский язык 34 стихотворения Абая. По его переводам по моей просьбе Герберт Генке «онемечил» пять стихотворений, и я их на трех языках опубликовал в газете «Deutsche Allgemeine Zeitung», журнале «Абай» (№ 12/94) и альманахе «Феникс» (№ 10/95). Вот эти стихотворения в немецком названии: «Der Liebe Sprache ist Gefühl», «Mittunter wird das Herz wie toll», «Bin erniedrigt und verlacht», «Werden blaß und werden rot», «Wenn ich sterbe...».

В этих переводах тональность, ритмомелодика оригинала прочувствованы и уловлены. В них в определенной степени присутствует дыхание Абая. В соотнесенности с русским текстом

находится и перевод стихотворений Абая «Du bist meiner Augen Kraft», «Schwer bedrückt ist mein Gemüt», выполненный Гербертом Генке (DAZ, 3.06.95).

В 2001 году в Алматы вышла на немецком языке проза Абая «Buch der Worte» в переводе Ларисы Захаровой и Фрайтага (псевдоним театрального деятеля из Германии). До того этот перевод был опубликован в альманахе «Феникс» (№№ 13, 14, 15, 16 за 1996 г.).

И это, думаю, все, что мы имеем из переводов Абая на немецком языке. По крайней мере, все, что мне известно.

Неожиданным было для меня подключение к переводу Абая старого знакомца, переводчика, критика, издателя, эссеиста, давнего друга казахской литературы, берлинца Леонарда Кошута. Вот об этом, собственно, и речь.

III

А было так.

В 2003 году Исполком Казахского ПЕН-клуба принял решение о присуждении своей премии гражданину Германии Леонарду Кошуту за выдающийся вклад в пропаганду казахской литературы и развитие творческих взаимоконтактов. Решение было справедливое и единодушное. Популярность Л. Кошута в лите-

ратурной среде стран бывшего СССР велика. У него в СНГ много верных и искренних друзей. В начале мая 2003 года Лео (так его все зовут) прилетел в Алматы. Это был его восьмой приезд в Казахстан. Был он в добром расположении духа, общителен, улыбчив, активен, общался с друзьями, выступил с обстоятельной речью на торжественной церемонии вручения премии Казахского ПЕН-клуба, ходил по городу, фотографировал, в День Победы посетил парк, постоял у Вечного огня, давал интервью, бывал в гостях. Я преподнес ему несколько своих книг, а среди них и «Buch der Worte» Абая. Подписал я это издание шутливо: «Ну, должен же быть у казахстанца Лео Кошута Абай. Иначе Лео не поймет казахов, а Абай – Лео. А это было бы досадным недоразумением. Герольд. 07.05.03».

Слова эти потом Лео Кошут поставил эпиграфом в письме ко мне. В том письме из Прендена (20.09.03) он писал: «Я, конечно, внимательно отнесся к такому посвящению в подаренной мне Вами книге и внимательно ее прочел. А теперь надо проверить, насколько я из нее извлек способность «понять казахов» (да еще самого Абая). Прилагаю к письму две попытки перевести стихотворения Абая. Пришлось, к сожалению, исходить из русских переводов. Пожалуйста, проверьте, насколько мои тексты соответствуют казахским оригиналам. Я спе-

циально прилагаю тексты в двух экземплярах, чтобы Вы могли на одном сурово и без скидок написать Ваши критические заметки и прислать их ко мне. До абсолютного соответствия все равно не дойти. Но я хотел бы, редактируя свои переводы, знать, к чему надо стремиться. Будь я моложе, то я поставил бы себе задачу перевести побольше. А так я, в крайнем случае, переведу еще одно стихотворение и в таком случае тоже пришлю, исходя из немецкой поговорки «Alle guten Dinge sind drei».

Первое стихотворение, которое перевел Кошут, называется у Абая: «Ғашықтың тілі – тілсіз тіл». Вот как оно звучит в оригинале:

*- Ғашықтың тілі – тілсіз тіл,
Көзбен көр де, ішпен біл.
Сүйісер жастар қате етпес,
Мейлің илан, мейлің күл.*

*Ол тілге едім оңдайлы
Қаріпсіз біліп сондайды.
Біліп-ақ, ұғып қоюшы ек,
Енді ішіме қонбайды.*

Милая лирическая миниатюра с игривой, исповедальной концовкой. Традиционный семи-восьмисложник с формой рифмовки ааба. Приведу для сравнения два перевода этой миниатю-

ры на русский язык, дабы читателю все стало понятней.

Перевод Ю. Нейман:

*Язык любви – язык без слов,
Лишь чувства, ощущений зов,
Мгновенный взгляд или улыбка –
Его основа из основ.*

*Когда-то с этим языком
Я был до тонкости знаком,
Но для меня его значенье –
Увы! – давно уж под замком.*

Перевод М. Дудина:

*Язык любви живет без слова.
В нем полужест и полувзгляд –
Незаменимая основа
Двух объяснений наугод.*

*Как были тайные созданья
Нам этой азбуки важны
Теперь, увы, ее познания
Мне, к сожаленью, не нужны.*

Положа руку на сердце: перевод Юлии Нейман мне кажется предпочтительней. Он ближе

к оригиналу по содержанию, по лексике, по мелодике, легкости и изяществу, по форме рифмовки. Видимо, не зная оригинала, Лео Кошут каким-то образом это почувствовал и при переводе миниатюры на немецкий язык руководствовался именно вариантом Нейман, хотя ему был знаком и вариант Дудина.

И что же получилось?

*Der Liebe Sprache braucht kein Wort –
Nur das Gefühl, der Herzen Schlag:
Ein Blinken hier; ein Lächeln dort
Genügt – und alles ist gesagt.*

*Einst hab ich diese Sprache gut –
Ja, zur Vollkommenheit – beherrscht.
Doch ist für mich ihr Wörterbuch
Schon längst wie durch ein Schloß versperrt.*

По-моему, получилось мило, прочувствованно, адекватно. Дыхание, мелодика, ритм, размер вполне созвучны с оригиналом. Следуя русскому тексту, немецкий переводчик сумел услышать оригинал, передать интонацию, настрой стихотворения. А это, согласитесь, главное. Что касается лексической близости, то она очевидна. Конечно, переводчик прибег к перекрестной рифме, ибо загнать семи-восемисложную строфу в рифму ааба по-

немецки представляется невозможным. Можно придаться к неполному созвучию рифм «gut» – «buch», «beherrscht» – «versperrt», но такова природа немецкого языка. На рифмы немецкий язык, в отличие от казахского, не очень-то богат, что признано многими немецкими поэтами.

На мой взгляд, перевод Л. Кошута вполне состоялся и приемлем. Я ему так и написал.

IV

Второе стихотворение Абая, переведенное Кошутым, – очень сложное, исповедальное, программное.

В этом стихотворении, написанном за несколько лет до кончины, Абай как бы подытоживал свою полную борьбы и жестоких тяжб жизнь, обратился к потомкам, раскрыл свою душу и сердце, исповедовался перед временем. Об этом, совершенно потрясающем по эмоциональному заряду стихотворении Абая я написал этюд «Исповедь поэтов», где я сравниваю и анализирую «Когда умру, не стану ли землей» Абая в контексте с «Exegi Monumentum» Горация, «Памятником» Державина и Пушкина, «Vernächtnis» Гете, ибо эти итоговые шедевры гениев разных народов очевидно перекликаются духовно.

Считаю нужным привести здесь оригинал в полном объеме.

*– Өлсем, орным қара жер, сыз болмай ма?
Өткір тіл бір ұялиақ қыз болмай ма?
Махаббат, гадауатпен майдандасқан,
Қайран менің жүрегім мұз болмай ма?*

*Аматсыз тағдыр бір күн кез болмай ма?
Біреуге жай, біреуге тез болмай ма?
Асау жүрек аяғын шалыс басқан
Жерін тауып артқыға сөз болмай ма?*

*Сонда жауап бере алман мен бишара,
Сіздерге еркін тиер, байқап қара.
Екі күймек бір жанға әділет пе?
Қаны қара бір жанмын, жаны жара.*

*Жүрегімнің түбіне терең бойла,
Мен бір жұмбақ адалмын, оны да ойла,
Соқтықпалы, соқпақсыз жерде өстім,
Мыңмен жалғыз алыстым, кінә қойма!*

*Жасымда албырт өстім, ойдан жырақ,
Айлаға, ашуга да жақтымы шырақ,
Ерте ояндым, ойландым, жете алмадым,
Етекбасты көп көрдім елден бірақ.*

*Ой кіргелі тимеді ерік өзіме,
Сандалмамен күн кешкен түспе ізіме,*

*Өзі ермей, ерік бермей, жұрт қор етті,
Сен есірке, тыныш ұйықтат, бақ сөзіме!*

*Ішім – толған у мен өрт, сыртым дүрдей,
Мен келмеске кетермін түк өндірмей,
Өлең шіркін – өсекиі, жұртқа жаяр,
Сырымды тоқтатайын айта бермей.*

Очень насыщенное, плотное по смыслу и эмоциональному накалу стихотворение. Каждая строчка полна скорби, печали, гордости, достоинства, внутренней силы и убеждения. О каждой строфе можно написать развернутый трактат. И опять считаю целесообразным привести два перевода на русский язык. Вот как прозвучало это стихотворение в переложении Юлии Нейман:

*- Когда умру, не стану ль я землей?
Язык мой дерзкий – девушкой немой?
Бездушным льдом – пылающее сердце,
Что за любовь боролась с жизнью злой?..*

*Не станет ли последним этот год?
Ведь рано ль, поздно, а мой час пробьет!
И станешь ли судить меня, потомок,
За каждый мой нечаянный просчет?!*

*Суди! Меж нами – немоты стена,
Суди, но помни: пусть страшна вина, –*

*За грех один карать не нужно дважды,
А я, живой, за все платил сполна!*

*Души измученной постигни суть!
Тяжелым и тернистым был мой путь.
Я – человек с загадкой, помни это!
Боролся с тьмой, как мог... не обессудь!*

*Задирю в земной явившись дол,
Порой хитрил я, был порою зол.
Прозрел с годами, сделался разумней,
Но все ж до совершенства не дошел.*

*Мешали мне... Никто мне не помог.
Свободы я не знал... Спаси вас Бог
От этой доли... Пожалей, потомок,
Того, кто скорбен был и одинок!*

*Мое довольство – призрачно оно.
Как горько мне, что мало свершено!..
Но каяться в стихах – не стоит боле:
Стихам хранить секреты не дано.*

Прежде чем подробнее поговорить о достоинствах этого перевода, обращу внимание читателя на вариант Дудина. Думаю, это любопытно.

*- Умру и стану вновь землей.
И мой язык насмешкой злой
Не тронет ледяным коварством
Сердец, обиженных судьбой.*

*Но рок судьбы нагрянет в срок
На твой порог и мой порок
И пересудит все ошибки
На перекрестках всех дорог.*

*Я, бедолага, в том кругу,
На том открытом берегу
За все, что не было и было,
Ответить дважды не смогу.*

*Ты в глубину мою взгляни,
В мои загадочные дни.
Там ныне светят всем, запомни,
Оставленные мной огни.*

*Я рос, и мой упрямый пыл
Костры в седой ночи полил
И путеводною звездою
Проводникам в дороге был.*

*Я там с собою принял бой
Своею болью и судьбой.
А за беду и униженья,
Потомок, сжался надо мной.*

*Нутро мое – огонь и яд,
В нем все терзанья догорят.
А песня – сплетница-чертовка –
Все миру выложит подряд.*

Присмотримся внимательнее к этим переводам. Абай очень любил вопросительные конструкции. Вопросы его часто риторические (их особенно много в философской прозе). Абай не любил говорить в лоб, категорически, он постоянно сомневается, задает вопросы себе и читателю, ищет правду, взыскует истину. Он не говорит: «Умру и стану я землей», он как бы спрашивает: «Если я умру, не станет ли мне местом мать-сыра земля?». Он не утверждает: «Не тронет ледяным коварством сердец, обиженных судьбой». Нет, он опять-таки спрашивает: «Бедное мое сердце в борении любви и подлости не станет ли льдом?». Не говорит Абай: «Но рок судьбы нагрянет в срок». Он опять-таки спрашивает: «Не встретится ли однажды неизбежная судьба»? Он не говорит так мудрено-изысканно-вычурно: «На твой порог и мой порок». Он просто делится с читателем-собеседником: «К кому-то рано, к кому-то ль поздно придет тот последний срок?».

Вот еще ударные абаевские строки в этом своеобразном завещании:

«Я – человек с загадкой, помни это!»

«Я с тысячью один боролся, не вини меня»

«За мной не следовали, воли не дали, уни-
жали»

«Уйду в небытие, ничего не совершив»

«Я внешне лишь мастак, внутри – огонь и
яд»

Стихи в оригинале написаны традиционным казахским одиннадцатисложником с рифмой ааба. Дыхание размеренное, тональность размерчивая, поступь тяжелая, слова весомые. Поэт серьезно беседует со своими потомками, призывает: «Не обессудь меня, пойми, участь моя была тяжкая. Я рос в борьбе, в одиночестве. Я рано проснулся, был пылок, но меня не поняли, не поддержали». Вот прозаический смысл стиха. Но в конце, как бы смутившись своей откровенностью, поэт спохватывается и обрывает свою доверительную исповедь, понимая, что стихи – сплетница, оглашающая твою тайну.

После сказанного прошу читателя еще раз прочитать переводы Нейман и Дудина и самому сделать кое-какие выводы. Я лично не умаляю поэтические находки и версификационную игру Дудина, но мне больше импонирует переложение Нейман, ибо она наиболее точно уловила дух стихотворения и убедительно передала его ритмомелодику, да и лексически она максимально точна. Дудин несколько вольни-

чает, переиначил ритм, допускает эффектные поэтические фигуры, украшает текст, чего ясный, мудрый, открытый Абай не жаловал. Видимо, инстинктивно и Кошут это почувствовал. Он опять-таки пошел по следам Юлии Нейман. И, полагаю, это было верное решение.

Вот что у него получилось:

*Werd ich zu Erde, wenn der Tod mich rafft?
Verstummt die scharfe Zunge mädchenhaft?
Erstarrt zu Eis mein Herz, das flammend lohte
und für die Liebe focht mit aller Kraft?*

*Wird gar zu meinem letzten dieses Jahr?
Ob früh, ob spät – der Schluß kommt ungefragt.
Verurteilst du mich dann, mein später Enkel
Für alles, was ich – ungewolt – verdarb?*

*Nur zu! Uns trennt des Todes tiefer Fluß.
Bin ich auch unklärbarer Schuld bewußt –
Kein Mensch verdient, daß man ihn zweimal strafe.
Ich aber hab im Leben schon gebüßt.*

*Ach, faß nur meines Herzens bittres Leid!
Mein Weg war schwer, trostlos und dornenreich.
Bewegt von göttlich eingepflanztem Streben
Und schwachen Kräften zog ich in den Streit.*

*Aufzubegehren, kam ich in die Welt –
Im Kampf zu List und zu Gewalt bereit.*

*Ward mit der Zeit erwachsener und klüger
Und reifte doch nicht zu Vollkommenheit.*

*Auf mich allein gestellt, fand ich nur Spott
Und blieb doch ungebeugt... Bewahr uns Gott
Vor solchem Los... Bemitleide, mein Enkel,
Den, der so arm und einsam aß sein Brot.*

*All meine Träume – wie illusionär!
Daß ich nicht mehr erreichte, drückt mich schwer.
Was aber nützt es, im Gedicht zu klagen:
In Versen bleibt es kein Geheimnis mehr.*

«Браво, Лео!» – невольно вырвалось у меня. Я удивился: как он сумел, пройдя через все лексические, стилевые, версификационные сложности и преграды так ловко «онемечить» Абая. Если уж совсем уподобиться «Flohknacker'у» («ущемителю блох»), то можно разве что придраться к некоторым рифмам, которые по-немецки называются «unrein» («нечистые», «недостаточно созвучные»). Но это вполне в природе немецкого стихосложения.

Я выразил в письме свое отношение к этим переводам, и Лео Кошут ответил так (16.12.2003): «Мне, конечно, приятны Ваши оценки моих переводов Абая. Нейман я предпочитаю за ее явную текстуальную точность. Там, где вместо дословности являются мета-

форы, трудно понять, насколько они соответствуют оригиналу, а насколько они – слишком свободная интерпретация. А рифмы я сознательно предпочел «ungein». Они такие – назовем их Assonanzenreime – определяют вообще тенденцию в немецкой современной поэзии. За несколько столетий чистые рифмы настолько «изношены», что эти рифмы-слова теряют всякий вес (будто вообще там слова нет). Это, конечно, не обозначает «зеленую» дорогу для переводчика, заменять рифмы, чем попадетсся.

Сказано, по-моему, убедительно и резонно. Таков переводческий штандпункт Лео Кошута.

V

Перевод третьего стихотворения пришел из Берлина некоторое время спустя. На этот раз это было любовно-пейзажное стихотворение Абая «Желсіз тунде жарық ай». В русском переводе оно известно под названием «Темной ночью при луне» (в буквальном переводе «Ясная луна в безветренной ночи»). Опять напомним оригинал:

*Желсіз тунде жарық ай,
Сәулесі суда дірілдеп.
Ауылдың жаны терең сай,
Тасыган өзен күрілдеп.*

Қалың ағаш жапырағы
Сыбырласып өзді-өзі.
Көрінбей жердің топырағы,
Құлпырған жасыл жер жүзі.

Тау жақғырып, ән қосып
Үрген ит пен айтаққа.
Келмен не едің жол тосып
Жолығуға аулаққа?

Таймаңдамай тамылжып,
Бір суынып, бір ісіп.
Дем ала алмай дамыл қып,
Елең қағып, бос шошып.

Сөз айта алмай бөгеліп,
Дүрсіл қағып жүрегі.
Тұрмап па едің сүйеніп,
Тамаққа кіріп иегі?

Всмотримся, вслушаемся: семи-восьмисложник с перекрестной рифмой абаб. Доверительная, вопросительно-утвердительная интонация, столь свойственная Абаю. Он не сообщает: «На свиданье, за аул приходила ты ко мне», а как бы спрашивает, напоминая: «Разве не приходила ты ко мне, чтоб встретиться наедине?» Не говорит: «Ты прильнула ко мне, уткнувшись подбородком в грудь», а

спрашивает о том: «Разве не прижалась ты ко мне в грудь, уткнувшись подбородком?» Прекрасная лирическая зарисовка с точными деталями кочевой жизни, запоминающимися пейзажными мазками.

Вот как стихотворение звучит в переводе Юлии Нейман по-русски:

*Тихой ночью при луне
Луч в воде дрожит слегка.
За аулом в тишине
По камням гремит река.*

*Листья дремлющих лесов
Меж собою говорят.
Темной зелени покров
Землю всю одел до пят.*

*Горы ловят дальний гул,
Крик наступший в тишине...
На свиданье за аул
Приходила ты ко мне.*

*И отважна, и кротка,
Ты прекрасна, как дитя,
Прибежав издалека,
Дух с трудом переводя.*

*Места не было словам.
Помню сердца частый стук*

*В миг, когда к моим губам
Молча ты прильнула вдруг.*

На мой взгляд, вполне удачный перевод. И лексически все приемлемо, и ритмомелодика воспроизведена, и тональность созвучна, и размер соблюден. Что же еще надо?

Вот этому тексту и следовал мой германский друг и коллега Лео Кошут при переложении стихотворения на немецкий язык.

*Mondlicht überglänzt die Nacht,
Bebt im Wasser-Spiegelbild.
Liegt das Dorf auch längst im Schlaf,
Rauscht des Flusses Wirbelspiel.*

*Dunkles Grün verhüllt das Land.
Undurchdringlich steht der Wald.
Raschelnd führt sein Blattgewand
Zwiegespräche sonder Zahl.*

*In den Bergen wiederhalln
Hundebellen, Hirtenschrei.
Hinterm Dorf – zum ersten Mal! –
harret ich dein zum Stelldichein.*

*Kühn warst du trotz scheuer Scham
– fast ein Kind, so zauberhaft –,
als du fernher zu mir kamst,
atemlos vom schnellen Lauf.*

*Jedes Wort war hier zu viel.
Ach, mein Herz war heiß entflammt,
Als du um den Hals mir fielst,
Stumm dein Mund den meinen fand.*

Кошут следовал за русским текстом старательно и бережно, аккуратно и нежно, но при этом странным образом еще больше приблизился к Абая. Например, «үрген ит» отсутствует в русском переводе (там «крик пастуший в тишине»), у Кошута появилось «Hundebellen» («лай собак»), и мне невдомек: «Кто ему эту деталь подсказал? Или сам почувствовал, вообразил?»

Я написал Кошуту: перевод вполне приемлем. Некоторые рифмы немного ungenügend, но то же мы встречаем и у Абая («бір ысып – бос шошып», «өзді-өзі – жер жүзі»), хотя казахские поэты по части рифмовки дают фору западной поэзии. А вот «Dogf» меня настораживает, режет слух. Речь идет об ауле, но это ведь не совсем Dogf. А как быть? Не знаю.

Напишешь «Aul» – придется дать обстоятельную этнографическую справку немецкому читателю, а это убивает поэзию. Так что, видно, придется смириться с Dogf'ом. А больше мне придаться не к чему.

Кошут ответил:

«Аул» – сложное дело. Я, конечно, не мог в той строфе написать «Liegt auch der Aul im Schlaf», но немецкий читатель этого без примечания не поймет. А примечание – смерть для восприятия поэзии. Это поняли бы еще в ГДР, где казахская литература распространялась сравнительно интенсивно и большими тиражами. Но ГДР уже 13 лет нет, а в ФРГ даже дикторы радио и телевидения английские фамилии произносят блестяще, а «восточные» – русские, казахские, грузинские фамилии – обязательно исковеркают и произнесут их с неправильным ударением. Даже Айтматова – на западе довольно известного – произносят Aimatoff. Так что, по-моему, лучше уж быть не совсем точным по отношению к аулу. В рецензии на Ваш роман я написал: «Siedlungen». Это уже слишком неопределенно, но все же применимо. Но для стихотворения совсем не годится».

Разумеется, Кошут прав. О чем тут спорить?

VI

Видно, Абай всерьез заинтересовал переводчика Кошута. Он хотел в лучшем случае перевести три стихотворения. А недавно прислал мне на Gutbeachtung еще один перевод.

В письме (07.05.2004) он сообщает:

«На Лейпцигской книжной ярмарке я поговорил с издателем журнала «die horen» о возможной публикации в связи со столетием смерти Абая. Тот такую возможность к концу года не исключал (а выходит его журнал два раза в год). Но на посылку информационного материала он пока не откликнулся. Подожду еще немного, а потом обращусь и к другим. Литературно-политических журналов у нас, правда, немного.

Я тем временем перевел еще одно стихотворение Абая, о котором уже давно думал. Пожалуй, два или три года назад я в одной статье использовал из него даже одну строчку. Прилагаю Вам результат стараний. Они на этот раз оказались особенно трудными, особенно в третьей строфе. Исходным русским текстом был перевод А. Гатова. Буду ждать Вашего приговора»

По немецкому переводу я сразу вспомнил оригинал:

*Жапырағы қуарған ескі үмітпен
Қиял қып өмір сүріп, бос жүріпін.
Жыбыр қағып, көңілді тыншытпайды,
Қашанғы өтіп кеткен бұлдыр көп күн.*

*Ол дәурен өмір емес, бір көрген түс,
Ойға тойма, қызықты қиялдан күс.*

*Қарашы, өз бойында түгел ме екен,
Ыстық жүрек, өң-шырай, қуат пен күш?*

*Төңкеріліп құбылған жұрт – бір сағым,
Шыңга шыдап, қоса алмас ынтымағын
Көптің аузын күзетсең, күн көрмейсің,
Өзіңді өзің күзет, кел, шырағым.*

Одно из характерных произведений зрелого Абая, человека, много повидавшего, передумавшего, настойчиво размышляющего о жизни, о прошедшем. Элегический настрой, печаль, раздумье, скепсис, горечь. Традиционный казахский одиннадцатисложник с рифмой ааба. Вопросительно-утвердительная интонация.

Не знаю, перевел ли, кроме А. Гатова, это стихотворение кто-нибудь еще. Мне известен только его перевод.

*Я надеялся – листья надежды желты.
Я так долго мечтал – обманули мечты.
Сердцу тяжко, тревожно, когда вдалеке
Проступают тех дней миновавших черты.*

*То не жизнь позади, а несбывшийся сон!
Лучше б жил я, от светлой мечты отрешен.
Погляди на себя: есть ли сила в руках,
В сердце жар – и лицо румянил ли он?*

*Как мира́жам степным, людям верить
нельзя.*

*Мир и правда чужды им: друг другу грозя,
Лгут, лукавят: заемные мысли у них.
Поступайте, как сердце велит вам, друзья!*

Надо учитывать задачи, стоящие перед переводчиком. Он обязан воспроизвести не только содержание, смысл оригинала на другом языке, но дух его, форму, интонацию, загнать строки в определенный размер, находить приемлемые рифмы, «пристегнуть» стержневую мысль к организующей рифме и т.д. Это очень сложно. Чаще всего невозможно. И А. Гатов, думаю, сделал максимум, обойдясь совершенно незначительными потерями. У меня не поднимается рука придраться к чему-либо. За ним с немецкой дотошностью следовал его германский коллега.

*All mein Hoffen vertan, seine Blätter vergilbt.
Was ich immer erhofft – nichts hat sich erfüllt.
Fast erdrückt es mein Herz, ersteht meinem Blick
Der vergangenen Zeit vielversprechendes Bild.*

*Nicht das Leben verflog – nur ein flüchtiger
Traum.
Hätt ich lieber gelebt, statt auf Träume zu baun.*

*Jeder sieht's: Keine Kraft mehr hab ich im Arm,
Auch mein Herz ist verglüht, selbst die Sonne
wärmt kaum.*

*Steppen-Luftbildern gleicht vieler Mitmenschen
Wort.
Lug und Trug bieten sie einen schändlichen Hort.
Abhold Frieden und Treu sinnen sie nur auf Streit.
All dies, Freunde, bedenkt, wenn ihr euch um
sie sorgt.*

Смысл, дух абаевского стихотворения передан адекватно, все формальные признаки воспроизведены средствами немецкого языка, дыхание, поступь стиха выдержаны, оригинал и переводы звучат в унисон. А сохранить форму рифмовки (ааба) по-немецки архисложно. Кошут справился с этой задачей. Словом, в лице Леонарда Кошута Абай через годы и расстояния нашел понятливого, вдумчивого, чуткого сердцем и душой собеседника и интерпретатора. И это меня радует больше всего. И я втайне думаю: а может, Кошут расщедрится еще на пару-другую переводов из Абая?

С творчеством Абая я знаком с четвертого класса аульной школы. Оно меня сопровождает на всех этапах жизни. Об Абае я издал три книжки, написал десятка два статей и эссе, делал подстрочные переводы его стихов, со-

Герольд Бельгер

ставил несколько книг-сборников на русском и казахском языках, выступал с докладами на разных конференциях. И самая большая моя мечта – составить сборничек стихов Абая на немецком языке. Может, доживу и до этого?

*17-19 мая 2004 г.
«Amanat» № 6/2004*

«Таң-Шолпан», № 2/03

АБАЙ В ГЕРМАНСКОМ ЖУРНАЛЕ

Знакомый издатель, критик и переводчик, лауреат премии Казахского ПЕН-клуба Леонард Кошут (Берлин) прислал мне любопытное издание – журнал «die horen» (именно так, с маленькой буквы) – Zeitschrift für Literatur, Kunst und Kritik. Журнал издается в Ганновере с 1955 года. Выходит раз в квартал. Прекрасная бумага. Великолепный дизайн. Четкий шрифт. Содержание богатое, разнообразное: литература, искусство, критика, переводы, литературные портреты, обзоры, сообщения, короткие рецензии-аннотации о новых изданиях, обстоятельные сведения об авторах, реклама, иллюстрации, фотографии. Все подано со вкусом. Приятно держать журнал в руках, неторопливо полистать его, почитать, получить широкую информацию.

По структуре, композиции, отбору и подаче материалов, по стилистике «die horen» напоминает наш казахстанский «Amanat», хотя последний и намного моложе первого. «die horen» знакомит немецкого читателя с лучшими образцами мировой литературы, рассматривает литературу народов мира как единый процесс культуры и творческого духа.

В журнале под порядковым номером 216 мое внимание привлекли переводы стихотворений 13 польских поэтов (составление и комментарии Петра Зоммера), 9 литовских поэтов (составление и комментарии Евгениуса Алашанки), а также переводы стихов самого составителя, русского поэта Николая Кононова, еще десятка поэтов, (и тут поневоле думаешь о том, что вопреки расхожему мнению о якобы безразличии немецкого читателя к поэзии, именно ей отводится в журнале много места), статьи о творческом пути Франца Фюмана (лет двадцать назад, помню, его охотно переводили в Советском Союзе), Ганса Магнуса Энценсбергера (также широко известного читателям моего поколения), Эразмуса Шефера (философа, поэта, драматурга), Юргена Хайзе (поэта и эссеиста), большое количество коротких рецензий, дающих представление о книгах разноязычных писателей.

Но особенно обрадовал меня журнал тем, что в нем я обнаружил перевод трех стихотворений Абая, блистательно осуществленный Лео Кошуттом, его же короткую вступительную заметку и перевод моего эссе «Духовное созвучие: Гете и Абай».

Немецкий читатель плохо знает творчество Абая. Казахский поэт ему больше знаком по

романам М. О. Ауэзова, изданным в ГДР еще в 1961 году.

В последний свой приезд в Казахстан (2003 г.) Лео Кошут всерьез заинтересовался Абаем, обрел в Алматы несколько его книг, проникся духом моих писаний (в частности «Гете и Абай») и рискнул озвучить по-немецки четыре его стихотворения, что ему великолепно удалось. Об этих переводах я написал пространную статью в «Аманате», (№ 6/2004).

Приятно, что стихотворения Абая и заметки о нем прозвучали в солидном германском журнале.

1 февраля 2005 г.

СЕМЕЙНАЯ САГА ЛЕО КОШУТА

Книга написана по-немецки и в оригинале называется «Ach, Väterchen!». Есть и подзаголовок «Meiner Mutter Prinz». А третья строка определяет, уточняет временные рамки: «Familien-Saga 1850-2010». Крупного формата, тщательно, с любовью изданная книга. Плотная бумага, прекрасный шрифт. 215 фотографий. Занимательное, увлекательное, облагороженное высоким, искренним чувством, благодарной сыновней любовью и памятью повествование. Исповедь. Дотошное исследование ветвистой родословной. Семейная, многоклановая сага, охватывающая эпохи – 160 лет. Автор – Leonhard Kossuth. Книга издана в Берлине в издательстве «Nora».

Получив книгу от автора, я ее два вечера заинтересованно листал, оглаживал, обнюхивал, подолгу разглядывал фотографии: благородные лица, исполненные собственного достоинства и чести, горделивая осанка, броские костюмы и позы, глубокий, умный, цепкий взгляд далеких предков, узнаваемые черты наших современников – их разноплеменных потомков. Неразрывная цепь времен. Портрет и дыхание эпохи. Обаятельная фигура творца саги, живо-

го свидетеля многообразного, многоликого во времени и пространстве бытия.

Именно в этом шарм книги.

Именно в этом ее пафос и значение.

Именно этим она выходит далеко за рамки обыденного семейного повествования и обретает форму панорамной саги, охватывающей страны, судьбы, эпохи, память, страсти, надежды, боль, утрату поколений.

А кто такой Леонард Кошут? С какой такой стати он замахнулся на столь объемистую семейную сагу? И что это будет, если каждый надумает писать и издавать свои пространные семейные истории?

Так вполне резонно может спросить иной неискушенный читатель...

Отвечу коротко.

Леонард Кошут (1923) – «не каждый». Это крупная личность, широко известная в культурном, литературном, издательском мире; он признанный культуртрегер, переводчик, эссеист, критик, составитель и издатель великолепных книг; он благородный связной разных культур и литератур; он бывалый, активный, неравнодушный человек, познавший жизнь во всех ипостасях, свидетель драматических коллизий XX века, участник бурных событий и благополучно и полезно внедрившийся в созидательный процесс XXI-го века; он само обаяние,

излучающий добро и свет, такт и деликатность в общении с людьми самых разных слоев; он носитель культуры народов; воплощение живого ума, высоких порывов, множество лучших человеческих качеств.

Далее не стану перечислять достоинства Кошута, дабы не смущать моего давнего старшего друга. Я его знаю – дай Бог памяти – более тридцати лет, встречался с ним много раз в Алматы, в Москве, в Берлине; все эти годы прилежно переписываюсь с ним; храню все его написанные, составленные и изданные книги; в его переводе вдвоем издали две книги Абая на трех языках; и еще: он восемь раз в разные годы посетил Казахстан; издал в свое время два десятка книг казахстанских коллег на немецком языке; он друг моих друзей; друг казахской литературы и культуры; лауреат премии Казахского ПЕН-клуба; он объездил многие страны мира, многие республики бывшего СССР; он хранит в своей цепкой памяти огромное количество выдающихся имен и событий разных стран и культур; он, сын австрийца Роберта Кошута (с австро-венгерскими корнями) и украинки Галины Логиновой, чувствует себя уверенно и надежно и в славистике, и в германистике, обладая широкими познаниями в мировой цивилизации.

Как явствует из книги «О, Väterchen!», Лео Кошут владеет богатым семейным архивом, письмами, дневниками, документами, воспоминаниями, фотографиями огромного числа предков, родичей из разных стран, людей с диковинными судьбами и биографиями. Имея под рукой такое богатство, а за спиной – столь своеобразный жизненный опыт, и вокруг – столько многочисленной, разветвленной родни, не написать масштабную, эпическую сагу, было бы – ей-ей! – грешно. Кошут должен был написать эту книгу, и он ее написал. Это было не только его правом, а обязанностью. Он сумел искусно сплести разрозненные факты семейного уровня и значения, неназойливо вычленить из них общественно-социальную суть и тем самым воссоздать картину Времени и людских судеб, подать все это чарующее многообразие через свою личную и гражданскую судьбу и сотворить Книгу о Времени, о себе, о своих сородичах. Словом, Лео Кошут выполнил с блеском свой сыновний и человеческий долг.

Книга выстроена композиционно искусно, занимательно и читабельно. Чувствуется опыт старого литератора. Кошут умеет рассказывать – просто, доступно, понятно, увлекательно. Главные части повествования составляют *Bildteil*, в основе которых лежат семейно-клановые

отношения разных корневых систем. Скажем, Kossuth + Von Zimani / Kossuth + Rothe. Разговор здесь идет о предках австро-венгерского происхождения и о сородичах по первому браку отца – Роберта Кошута. Обозначаются географические точки повествования – проживание тех родичей: Wien – Odessa – Kiew – Butscha.

Следующий Bildteil: Kossuth + Rothe, то есть идут описания двух семейных кланов. Географические координаты: Odessa – Wien – Archangelsk – Butscha – Hamburg и т.д.

Далее подробно рассматриваются следующие родственные кланы: Buckland + Kossuth; Kossuth + Scheitzel; Kossyth + Himmelmann и т.д.

Есть Bildteil, посвященные друзьям, коллегам, авторам, писателям, потомкам в третьем, четвертом поколениях.

А между этими главами даются короткие новеллки, этюды, зарисовки, воспоминания, выдержки из документов, лирические отступления, выразительные штришки, а венчают каждую главку серия фотографий с текстовками-объяснениями, с обозначением времени и места. В композицию книги уместно вплетены изящные отступления – интермеццо. Их всего девять, и озаглавлены они завлекательно: «Wo die Rothes herkamen?», «Anstöße aus Sizilien», «Liebe Schwesterkinder!...», «Gefäng-

nisbriefe», «Tag von Butscha» и т.д. Эти отступления – факты реальной жизни автора – дают возможность перебрасывать мостик от далекого прошлого к настоящему и возбуждают интерес читателя.

Тут я тоже отступлю немного в сторону от изложения своих впечатлений о рецензируемой книге и скажу, что в последние годы у нас, в Казахстане, тоже пишутся много семейных книг-воспоминаний, в которых, как правило, берет верх шежире – родословное клана, племени, жуза автора. Композиционно эти книги выстроены однообразно и скучно. Я их по просьбе друзей и знакомых прочитал не один десяток. К некоторым писал даже предисловия. А сколько наката рецензий на подобные мемуарные изделия, и не упомяну. Должен признаться, что авторы подобных творений обзеревают свою пройденную жизнь с невысокого аульного холма. Отсюда узкий горизонт и монотонный монолог. Кошут, как мне кажется, избрал для своей саги самый разумный, оптимальный вариант, дотошно изложив «сухую» фактологическую часть и перемежая ее изящной, доверчивой повествовательной тональностью. Поэтому его семейно ограниченная сага обрела художественную значимость, как впечатляющий, значительный документ эпохи.

Особенно привлекло мое внимание 9-ое интермеццо, озаглавленное: «Was ist das, Heimat?». Дело в том, что для российских немцев это кардинальный, животрепещущий, вечный вопрос. «Что есть Родина?», «Где моя родина?» – о том мучительно раздумывает каждый мой соплеменник. И в моем творчестве – в моих романах, повестях, рассказах – этот вопрос звучит вновь и вновь во всех вариациях. Не обошел его и Лео Кошут. Вот фрагмент его размышления на эту тему (цитирую по оригиналу):

«Geboren in Butscha, aufgewachsen in Wien, mit Wohnort, Lebenszentrum seit Jahrzehnten in Berlin, Mutter – Ukrainerin, Vater Österreicher. Was antworte ich auf die Frage nach meiner Heimat?... Da muß wohl erst eine Historikerkommission klären, ob man für mein Geburts – Land UdSSR oder Ukrainische SSR sagen kann».

Тема эта для автора «Ach, Väterchen!» настолько сложна, что он прибегает к реминисценциям, аллюзиям из творчества трех выдающихся русских поэтов, книги которых он составлял и переводил с любовью на немецкий язык, – Владимира Маяковского, Сергея Есенина и Булата Окуджавы. Во всем Лео Кошут серьезен, сосредоточен и дотошен. Он приводит определение-понятие «Родина» по словарям Дудена и Клаппенбаха и ссылается на поэтические трактовки этого священного по-

нения в творчестве русских поэтов. Эти литературоведческие, лингвистические, историко-биографические этюды впечатляют и оживляют семейную сагу.

Свособразием композиции данной книги является и то, что каждую главку венчает и все повествование обрамляет проникновенное лирическое, исповедальное обращение 86-летнего сына к 83-летнему отцу. Сын изливает свою благодарную душу незабвенной памяти отца, объясняется ему в верности, в любви, восторженно вспоминает трогательные случаи и детали прошлого бытия и ведет с ним, как с живым, задушевную беседу.

Вот фрагмент из первого обращения:

«Ach, Väterchen, gelänge es mir doch, Dir mit meinen Dokumentationen und Erinnerungen zu geben, was ich Dir zu Deinen Lebzeiten als Dank für Deine Liebe schuldig geblieben bin!»

«Und wieviel besser verstehe ich Dich heute, da ich beim Wiederlesen meines Manuskripts selbst schon über sechsundachzig bin und Dich wie all die anderen längst Verstorbenen meiner «Familien-Saga» – schon gar angesichts ihrer Fotos – zugleich als Junge in die Welt ihrer damaligen Erlebniszeit blicken sehe!

Und plötzlich ist mir, als sähe ich Dich – mein Väterchen-Leibhaftig vor mir sitzen, bereit, mir beim Verständnis von Begegnungen über eine

Zeit von anderthalb Jahrhunderten zu helfen». (s. 8-9)

Обращений к памяти отца в книге Кошута много. И я приведу здесь еще несколько строк из заключительного обращения: «Ach, Väterchen, gut eineinviertel Jahre – nein zuletzt zwei! – sind vergangen, seit ich mit der Niederschrift dieses Buches begonnen habe. „Es fehlt nicht viel – und mir ist, als sähe ich Dich leibhaftig vor mir sitzen,“ schrieb ich damals, noch ahnunglos, wie sich mein Blick auf die Welt weiten sollte. Im Gespräch mit Dir, mit der Entdeckung von Personen, Verbindungen, Schicksalen ist für mich Bekanntes und Unbekanntes lebendig geworden... Könnten wir doch über Generationen hinweg einen Familienrat einberufen, der mein Manuskript beurteilt, ehe ich es noch druckfertig mache!» (s.370)

Эти лирические обращения к отцу сами по себе составляют законченное произведение и звучат как своеобразная «Песня песней». Я написал о своем любимом отце Карле Бельгере (скончался в Ташкенте на 94-м году жизни) две книги, посвятил его памяти роман «Дом скитальца», сделал его прототипом многих своих произведений, но такой одухотворенности и поэтической возвышенности, как Лео Кошут, признаться, не достиг.

«Где бы мы могли собраться все вместе?» – вопрошает автор, перечислив всех живых

родственников, большинству которых за восемьдесят и девяносто лет. И предлагает такой вариант: «In Butscha, das von den Genannten die meisten kennen? Das Wunder, das uns zusammenführt, wird uns auch die Veranda unseres einstigen Hauses wieder bereitstellen und den ganzen Garten für Nichtgenannte, Kinder, Enkel, Urenkel...» (s. 370)

В 2003 году Леонард Кошут был приглашен в Алматы своим другом Абдижамилем Нурпейсовым: решением Исполкома Казахского ПЕН-клуба он был удостоен премии ПЕНа за заслуги в пропаганде и популяризации казахской литературы в Германии. До этого Кошут приезжал в Казахстан семь раз как заведующий отделом советской литературы ГДР-овского издательства «Volk und Welt» (то в сопровождении жены Шарлотты, редактора и переводчицы с русского, то с двумя-тремя симпатичными и молодыми сотрудницами издательства) и впоследствии как председатель Кураториума по культурным связям с немецкой диаспорой за рубежом (вместе с историком, доктором Эрикой Фогт, кстати, давней и доброй моей знакомой).

На этот раз (2003 г.) жил Кошут несколько дней в пустующей квартире Нурпейсова по соседству со мной, и мы много общались, встречаясь то в домашних условиях, то на моей

любимой аллее возле памятника Чокану, то в парке имени 28 героев-панфиловцев (это было в памятный День Победы 9 мая). Мы много беседовали. И мне было приятно его слушать. На площади Независимости Лео предложил мне перейти на «ты», но я, воспитанный в ауле в почитании старших, не смог преодолеть барьер в одиннадцать лет. И все эти годы нашего знакомства я обращаюсь к нему неизменно на «Вы». Так вот, мой старший друг тогда увлекательно и доверительно поведал мне о том, что описано в этой книге: о своем отце, о рано умершей маме, о своей богатой на приключения и испытания жизни, о войне, в которой его, неверующего, должно быть, спасал ангел-хранитель, о том, как был не однажды ранен, как был в плену, как нелегально переходил границу, чтобы свидеться с отцом в Австрии, о своей первой большой любви, как учился славистике и преподавал русский язык, о жизни и службе в Берлине, о родной сестре в Англии, о литературных контактах и многочисленных друзьях в разных странах. И слушая его неторопливую исповедь, я тогда еще подумал: «Вот изложить бы все это на бумаге, получилась бы увлекательная повесть».

Жизнь незаурядного человека всегда привлекательна, интересна и поучительна. И вот годы спустя эти житейские и творческие впечатле-

ния, судьбы и многоформатная жизнь, подкрепленные документами, письмами, выверенными фактами и фотографиями, воплотились в объемную семейную сагу, охватывающую временной отрезок человеческого бытия в 160 лет и сотканную из любви, памяти, гордости, достоинства и умения рассказывать живо и проникновенно.

Интересно все же, о судьбах скольких людей поведал нам в этой книге автор? Было бы любопытно посчитать: наверняка не одна сотня. Немецкие, русские, украинские и других национальностей фамилии причудливо перемешались – сплелись в этой многопластовой саге. О многих ее героях сказано столько доброго, приметного, что они предстают перед глазами читателя, как персонажи увлекательного романа. Кошут вообще-то не беллетрист, но слогом точным, ярким и образным владеет блестяще. Имен в саге много. Очень много. Все они тщательно описаны, охарактеризованы и выстроены в повествовании, и потому мне кажется, что в этой по всем параметрам продуманной книге, может, не хватает еще именного указателя. Впрочем, вдумчивый читатель разберется в лабиринте имен и без указателя.

Из разных разностей сплетена величественная сага Лео Кошута. Бросаются в глаза и включают читателя в поток времени исторические,

географические, литературные сведения, расширяющие панораму своеобразной «повести временных лет». Это любопытные, тщательно выверенные и точно определенные факты из античной, древнеримской истории и географии, об истории австро-венгерской монархии, из истории Киевской Руси, о катаклизмах Второй мировой войны в ряде европейских стран, о преобразованиях-ситуациях в Германии до войны, во время войны, после войны, после падения Берлинской стены и т.д. Жизнь людей, о которых так проникновенно повествует автор, погружена в общественно-социальную, историко-политическую реальность драматических XIX-XX веков. Такая диалектическая манера повествования, широкоохватный взгляд на бытие с высокой колокольни единого исторического процесса придают, казалось бы, сугубо мемуарной книге социально-художественную значимость.

Многое я узнал из книги старшего друга из Берлина. Я, оказывается, все же маловато знал о его жизни, житейских приключениях, непростой судьбе его в довоенные, военные и первые послевоенные годы, о его гражданском становлении и возмужании. Теперь, когда он искренне рассказал читателю о всех перипетиях своей богатой на впечатления, события и душевные переживания жизни, он стал мне еще более

близок, дорог, духовно соприсроден, и я испытываю гордость за него, за его высокую благородную душу, за его порядочный, обаятельный человеческий облик. Сказались, проявились в нем высокородные гены, чему казахи, в среде которых я вращаюсь почти 70 лет, искони придают огромное значение.

Узнал я многое не только о Леонарде Кошуте, но и о его окружении, о его предках и родичах, о его друзьях-товарищах, коллегах-литераторах, которых он не однажды упоминает и перечисляет на страницах своего обширного повествования.

Еще многое можно было бы поведать о Кошуте и его семейной саге. Ну, например, о ее насыщенной литературной оснащенности: о стихотворных опытах разных лет, о его блестящих переводах, скажем, из Лермонтова (я с восторгом воспринял немецкий «Парус» и «Выхожу один я на дорогу»). Какая точность, музыкальность, верность интонации, размеру, ритмомелодике!), Маяковского, Абая, о его, Кошута, художественных поисках выразительных средств, о его душевной настроенности на лад и склад оригинала, о его литературных и поучительных творческих контактах. Вообще в этой книге Кошута счастливо, органически перемежались-сплелись разные литературные жанры: мемуары, лирические описания, раз-

думья, стихи, переводы, письма-признания, скетч, пародия, хроника, исследования, очерк, эссе, элементы детектива (арест Шарлотты). Да, обо многом еще можно было бы сказать... Но, чувствую, что должен остановиться. Мои разрозненные заметы и без того растянулись. Я целую неделю не расставался с Кошутовой сагой. Какие-то фрагменты перечитывал не раз. А фотографиями вообще подолгу любовался. Знаю, что к этой книге буду обращаться временами и впредь. И чувствую: главные, достойные и высокие слова о роли и значимости в служении культуре и литературе крупной личности по имени Леонард Кошут еще впереди.

«DAZ», № 40, 41, 2010 г.

II ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ЛЕО КОШУТОМ²

Берлин, 31.08.2005 г.

Дорогой Герольд!

...Прекрасно задумана книга «Двадцать стихотворений Абая» – тоже, по крайней мере, с Вашим участием сделана. Она будто специально для меня издана (и для других таких, как я). Большое спасибо, спасибо и за письмо на «шущителе» (как его по-русски назвать?). Но не обойтись без критической заметки: единственный автор подстрочников, который сообщает данные о стихосложении (размере, стопах, рифмах) – Герольд Бельгер. Число слогов можно еще подсчитать (хоть ошибки возможны), а что касается *Versfüße*, то это требует обязательных знаний в произношении слов. Я не знаю, можно ли Вас просить о таких добавочных сообщениях, или могли бы Вы повлиять на то, чтобы кто-то из составителей это сделал. Я собирался уже помаленьку взяться за переводы, но этот изъян остановил мое рвение.

---

² Сохранена русская стилистика германского коллеги (Г.Б.)

...Если бы «Международный клуб Абая» взялся за издание немецкой книги стихотворений Абая, это было бы здорово. Можно еще подумать, не было бы хорошо устроить копродукцию с немецким издателем, издать совместно двуязычную книгу – и, конечно, с предисловием Герольда Бельгера. Но сперва надо одолеть проблемы поэтического перевода. А каковы эти проблемы, я читал в Вашей блестящей статье «Властитель – слово. Почему трудно переводить Абая?» (читал уже повторно, читал с большим интересом впервые в книге с переводами Дудина). Привет в связи с этой темой Роллану Сейсенбаеву. Одна его книжка здесь издана издательством «Дагиели», я ее читал.

Ваш Leo.

***

Берлин, 26.11.2005 г.

Дорогой Герольд!

Спасибо за чуткую консультацию. И все же я взобрался на верблюда. А теперь хотелось бы узнать: как глубоко я упал? Верблюд оказался огромным. Четыре недели я на него взбирался (конечно, при еще других делах). Начиная счет с первого полного наброска и печатая результаты каждой новой редакции, у меня набрались

36 редакций – измененных то в деталях, то в целых строфах.

Стихотворение оказалось таким трудным, как это мне почти еще не встречалось. Были, правда, отдельные стихотворения, в которых оставались неодоленные детали годами (например «Парус» Лермонтова, в которых не поддавались, как мне хотелось, первые две строки первой и последние две третьей строфы; я приложу к письму несколько месяцев назад достигнутый результат – неопубликованный, – но, не объясняя, чем он меня так долго мучил). Но Абая отложить на годы я не хотел.

Одной (пятой) строфы в подстрочнике не оказалось, как я понял в течение работы. (Возможно, издатели книги «Двадцать стихотворений Абая» не хотели пожертвовать еще третьей печатной страницей.) Мне помог подстрочником этой строфы один сотрудник посольства Казахстана, прибегая еще к помощи своей жены. А я при этом еще добавочно, понял, какие трудности представляет даже сама интерпретация оригинала. Не зря мой помощник дал два варианта («Дословно» и «Альтернативно») и добавил еще признание: «не знаю, удалось ли нам, но мы так его поняли!» Но что интерпретация трудна, я понял и до этого опыта.

А что касается взбирания на верблюда, то я – по Некрасову – «Мужик, что бык...» Я не

последовал совету исходить из законов немецкой версификации, а старался – насколько мои силы разрешают – создать перевод, который бы немецкому читателю разрешил услышать Абая и по смыслу, и по форме. Хотя, конечно, звучания не только Абая, но и вообще казахской речи мне на немецком языке не передать. Таким образом, я сохранил и сквозную одиннадцатислоговую строку, и рифмовку ААБА, и не слишком поддавался единой (основанной на стопах и их числе) метрике – при некотором допуске акцентного стиха. Пришлось, конечно, искать родственные метафоры (при некоторой неизбежной вольности), но, не допуская ломку целостности стихотворения (целостного потока речи). При всем стремлении к адекватности оригиналу должна была все же получиться ПОЭЗИЯ и в немецком воспроизведении.

Это все я написал не для того, чтобы Вы о результате милостиво судили, а наоборот. Помогите мне своей критикой по-лучшему довести Абая до немецкого читателя, без любых скидок в «угоду» переводчика. Для этого я опять прилагаю два экземпляра, один для возвращения с критическими замечаниями.

А вообще Вы в конце своего письма сами правильно охарактеризовали те трудности, которые меня ждут. А в Вашей приписке я присоединяюсь к признанию: «Планов всегда больше,

чем физических возможностей». Что же касается Бельгера в целом, то я надеюсь, что жюри в Потсдаме поймет, кто такой Герольд Бельгер, и что он представляет в смысле немецко-казахских отношений в культуре.

Передайте привет уважаемой Рае, я передаю Вам привет от Шарлотты, обнимаю Вас,

Лео.

***

Алматы 12.12.2005 г.

Дорогой Лео!

Получил Ваш очередной перевод Абая.

Был сильно занят, потому лишь неделю спустя добрался до «Грядущего в сизом тумане».

Прочитал перевод раз пять. И вслух, и про себя. Облизал каждое словечко. Взвесил на ладони. Принюхался. Вслушивался в созвучия. Сравнивал строку за строкой с оригиналом. Облегченно вздохнул.

Хорошо представляю, сколько старания и прилежания это стоило – передать абаевский стих и философию по-немецки, соблюдая размер, мелодику и форму рифмовки.

Но старания Ваши увенчались успехом. На мой взгляд, все приемлемо, вполне адекватно, аккуратно, профессионально.

Если уж быть совсем занудой и придирой, то можно придраться к двум моментам.

а) Абай имел обыкновение вклинивать, вплетать в свою лексику нередко арабские (BZW. персидские, русские) слова. Скажем: «мағлұм» – жертва коварства. Первая строка шестой строфы: «Коварный мир человек считает своим». Или: «Ғадаләт» – справедливость, истина (В совр. каз. транскрипции «Әділет»). «Мархамат» – милосердие, добро, сострадание. У Вас это третья строка восьмой строфы: “Der Mensch brauch Gerechtigkeit, Herzensgüte”. Правильно, конечно. Именно об этом и говорит Абай. Эти понятия – справедливость, милосердие – были и есть и в казахском языке, но Абай прибегнул к их арабскому звучанию и тем самым как бы приподнял, облагородил, возвысил речестрой, придал ему большую торжественность и значимость. И я подумал: может, есть какие-то древнегерманские, поэтически возвышенные, архаические слова, обозначающие эти *Gerechtigkeit, Herzensgüte*? Может, они придали бы слогу иной вкус, более высокую тональность, некую торжественность и возвышенность? Помнится, Мухтар Ауэзов советовал первому переводчику «Евгения Онегина» Ильясу Джансугурову переводить старославянские и древнерусские слова не современными казахскими

понятиями, а также древними словами – арабизмами и фарсизмами или архаизмами.

Здесь примерно тот же случай. Разумеется, в немецкий текст неслепо пихать арабизмы и фарсизмы, но в качестве адекватата и колорита есть резон прибегнуть (если таковые есть) к древнегерманским словечкам. А, может, я не прав? Может, это просто теоретический посыл? Поэтому совсем не настаиваю, а размышляю вслух с германским коллегой.

б) Две последние строки у Абая звучат примерно так:

*Мелко плавают пройдохи, досаду вызывая,
А Истина и Вера обитают в глубине.*

У Вас мысль переведена верно:

- Nur Tiefe ist's die Schein von der Wahrheit trennt.

Совсем не возражаю. Однако у Абая истина и вера находятся рядом. Это суть его миропонимания. Но я бессилен вплести, вставить в строку «веру». Может, Вы изловчитесь? К Вам ведь Муза благоволит. Если и Вам это не удастся – не беда. И так достаточно ясно и верно.

Рад, что Вы одолели сей крутой перевал. И Абай (его Аруах-Дух) может быть Вами не только доволен, но и благодарен. А Ваш пятый по счету перевод лишь укрепляет мое давнее желание издать со временем книжку абаев-

ских переводов на немецком языке. Я же пока написал небольшую статью о Вашем переводе в местной “Deutsche Allgemeine Zeitung”, где и привожу полный немецкий текст с некоторыми комментариями.

Обнимаю Вас по-братски и кланяюсь Шарлотте.

Искренне Герольд.

***

Берлин, 08.01.2006 г.

Дорогой Герольд!

Надеюсь, что Вы весело и при хорошем здоровье вступили в Новый год. Творческой продуктивности желать при ваших отчетах не решаюсь, они и так превосходят все представления. Главное, хватало бы и в дальнейшем сил.

Спасибо за Ваше письмо от 12 декабря, за добрые слова и полезные советы.

По поводу “Die Zukunft...”: Сложное дело – абаевские выделения определенных слов арабскими или персидскими заимствованиями. Древнегерманское прозвучало бы чуждо, даже если бы кандидаты нашлись и встроились. Все же именно названные Вами понятия в немецком лексиконе исходят из латыни. Но пока я

приемлемых решений не нашел. Теперешние немцы выделяли бы такие понятия скорее по-английски (что тоже родственно латыни), и найти формально подходящих слов можно было бы, но это вряд ли подходит для Абая. Продолжаю думать. Одна цитата меня настояжила. Вы приводите первую строку шестой строфы: «*Коварный* мир человек считает своим». В Вашем же подстрочнике говорится об «изменчивом мире». Это производное от изменны или от изменения? Это – если надо – исправить можно.

А веру я с истиной соединил и прилагаю новый вариант перевода. Я об этом уже «до опущения» веры долго старался, отказаться от веры во имя более нормального синтаксиса. Все же считаю найденное теперь решение и синтаксически приемлемым. Принимаете?

Прилагаю новый перевод: “**Von vierzig Flick-en umfasst...**” В этом стихотворении я долго не понимал суть четвертой строфы. Подстрочник передает ее смысл слишком обрывисто. Я советовался с Зигрид Клейнмихель, надеюсь, что с ее помощью все же правильно понял. Посмотрите, пожалуйста.

При попытке подойти к следующей задаче я все время сталкиваюсь с отсутствием определений стихотворной формы (которая же сама становится частью содержания). Могу еще бо-

лее или менее определить структуру рифм. А посчитать слоги по строкам не удалось. В казахском языке, видимо, имеются дифтонги, которые являются одним слогом. Но в этом мне не разобраться. Приступаю сейчас к стихотворению «Владыка бог, к тебе взываю» (это по Вашему подстрочнику). – Я чуть ли не приступил к переводу стихотворения «Проклятый мир обирает нас» (стр. 191-195), но и там пришлось отступить из-за подсчета слогов.

Ваша идея о немецкой «сборной» книжке Абая меня не восхищает. Раз я уже взялся за Абая, и Вы меня ободряете, мне представляется немецкое издание, автором-составителем которого является Герольд Бельгер, автором статьи или статей, а возможно и комментариев, тоже Бельгер, консультантом переводчика Бельгер, а переводчиком Лео Кошут. В смысле такого решения в Ваших руках выбор (те двадцать стихотворений, которые имеются в присланной мне Вами книге оригиналов, подстрочников и русских переводов – плюс те переводы, которые я сделал до этой книги). Или Вы что-нибудь бы изменили? Мои добавочные стихотворения, на мой взгляд, (“Der Liebe Sprache”, “Mondlicht”, “All mein Hoffen vertan”) дополняют некоторые штрихи к «очеловечиванию» образа Абая. Но я признаюсь, что я в стихотворения упомянутой книги по-настоящему вдумываюсь, только

уже работая над отдельными переводами. Я бы не возражал против добавочного *отдела* в немецкой книге с «конкурирующими» переводами других. Пусть будет возможность для сравнения, как и в книге с оригиналами (подстрочниками) русскими переводами имеется такая возможность. Но основной выбор должен дать – пусть маленький – органичный свод абаяевской поэзии. На это, конечно, еще время уйдет, но цель этого стоит. Другое дело предварительные публикации в газетах и журналах. (Их желательно в копиях получить.) Вы не возражаете такому намерению?..

Ваш Лео.

***

Берлин, 27.01.2006 г.

Дорогой Герольд!

Спасибо за письмо от 20.01.2006 г. – первое в новом году. Притом еще как часть новой Вашей публикации об Абае, включающей добрые слова в мой адрес. На всякий случай замечаю, что отпечаток моего перевода «Die Zukunft – sie liegt hinter graublauem Dunst...» не включает еще моих поправок на основании Вашей критики (последняя строка: “Nur wer tief blickt – Glauben und Wahrheit erkennt”). Но это, види-

мо, относится уже к тому, о чем Ваше письмо («Письмо Ваше получил. Все акцептировал».) На всякий случай – не очень доверяя почте – прилагаю еще один отпечаток.

В прошлом письме я сообщил, что взялся за следующее стихотворение. Проблемы с неудовлетворительными подстрочниками очень ограничили возможности выбора. Можно вообще сомневаться, в состоянии ли стихотворение «Патша куда́й, сыйындым...» дойти до немецкого читателя из-за этого непонятого и одной метафорой не объяснимого «ТЕЗ» (а если это убрать, как это сделал один русский переводчик, теряется один существенный казахский элемент). Я все же попробовал. Шлю результат (с двумя вариантами в постскриптуме). Буду ждать отзыва.

А что касается возможностей выбора, не могу не жаловаться еще раз на самый существенный элемент книги «Двадцать стихотворений Абая». Книга – в целом заслуживающая большого, принципиального одобрения – конечно, предназначена для потенциального переводчика. Для них – самое важное – подстрочники. А именно они – самый неудовлетворительный элемент книги. Даже если не судить о качестве самих подстрочников (синонимы, комментарии) – без объяснения стихотворных размеров (включая подсчет слогов), формы рифмовки

подстрочники равны фотопортрету девушки, где дается только описание души, но образ остается неизвестным. Особенно составители позаботились о каллиграфическом почерке, который добавочно затрудняет читабельность. Чтобы книга соответствовала идее, следовало бы добавочно издать на трех-четыре страницах все это упущенное.

А я, конечно, – хотя по матери украинец, а по отцу австриец – как «настоящий немец» стремлюсь составить выбор переводов, который по возможности дал бы характерное представление поэта. Сейчас, видимо, обращусь к предпоследнему стихотворению с Вашим подстрочным переводом: «Әсемпаз болма әр неге». А насколько длинное стихотворение «На смерть Абдрахмана», к которому тоже Вы написали подстрочник с нужными объяснениями, способно дойти до немецкого читателя, я не знаю. Надо будет еще глубже войти в детали стихотворения.

На этом заканчиваю письмо с передачей нового перевода и с сообщением новых планов, зато с жалобами (не лично в Ваш адрес).

Поклон Рае!

Ваш Лео.

P.S.: *А перевод "Von vierzig Flicken umfaßt..."*
Вы получили?

Берлин, 06.02.2006 г.

Дорогой Герольд!

Мои сомнения, стоит ли вообще включить стихотворение «Патша кудай, сыйындым...» в немецкое небольшое собрание стихотворений Абая, скорее растут. Я с помощью Зигрид Клейнмихель лучше понял отношения найманов, аргынов, тобыктинцев к Абаю и переделал соответствующие строки. Выяснив, как выглядит тот ТЕЗ, я и соответствующую часть передал (занимая Бога, все же не работай на ТЕЗе, создавая юрту, а совершая свой творения – людей: Schöpfungs-Biegebock). Все же последние строки заставляют еще думать (чтобы избежать лишних повторений я написал вместо auch ihres Schöpfers – auch ihres Hetten; может было и auch ihres Vaters; или auch ihres Hettgotts, но не знаю, как это звучит для казаха). В целом надо было еще по-новому отработать динамику языкового решения. Но – главная проблема, что для немецкого читателя стихотворение останется не понятным без комментария (возможно, что даже современные казахи, не все без комментария в этом стихотворении разберутся).

Прилагаю два экземпляра перевода. Но не буду горевать, если мы этот перевод отбросим. Я это стихотворение выбрал вообще с сомне-

нием, будучи ограничен набором расшифрованных по форме стихотворений.

Вы считаете, что можно сократить число переводов. Но для этого было бы желательно, чтобы Вы сообщили, какие из тех шестнадцати мною еще не переведенных стихотворений из книги «Двадцать стихотворений Абая» следовало бы мне еще перевести, чтобы выбор в целом не оказался случайным.

Мне совестно морочить Вам голову такими вопросами в то время, когда Вы заняты выпуском одной за другой своих книг (не говоря о Вашей продолжающейся публицистике в журналах и газетах). Да простит меня Абай со своих высот.

Ваш Лео.

***

Берлин, 19.02.2006 г.

Дорогой Герольд!

Спасибо за письмо от 05 февраля. Это письмо начинается поощряющими поговорками, а потом бросает в испуг: «В ближайшие месяцы я этим заняться не могу». Подстрочники – подстрочниками. Спасибо за присланные, я в них должен еще разобраться. Книга переводов Дудина у меня есть. Но без ориентира насчет вы-

бора я не могу овладеть Абаем – литературоведчески мне уже не удастся. Тем более, что и я должен в мои молодые годы еще и другие сложные вещи завершить.

Восемь переводов я пока завершил. Если дальше нацеливаться на двадцать, надо еще двенадцать перевести. В основном я буду придерживаться сборника «20 ст. Абая» – при некотором учете присланных Вами подстрочников. Надеюсь, что, в конце концов, Вы все же устроите из этого книгу. Если на двух языках (немецком и казахском) и с Вашей статьей «Властитель – Слово», по объему получится. Может быть, еще с некоторыми комментариями. Тем более, если в виде приложения присоединить имеющиеся другие немецкие переводы. А пока я буду Вам посылать готовые переводы.

Сегодня посылаю “Müßiges Posieren meide” – А еще с поправкой “dann dem Schöpfungsbiegestock /auch ihres Herrgotts entgehn?”) “O Gott, erhöre mich doch”. На таком сотрудничестве, пожалуй, продержимся. Абай Вам зачет подвигом, что Вы меня воодушевили на это трудное, но и само по себе воодушевляющее дело. (Между прочим: Мне объяснили, будто ТЕЗ похож на устройство для гимнастики “Bock”, а, исходя от инструментов (zum Beispiel “Schraubstock”), я сам думал о назначении “... Biegestock”. Пусть так и будет.

Ваши рабочие планы внушительны, и я желаю вам для них железного здоровья. Продолжения романа «Дом скитальца» я буду ждать с большим интересом.

А Ваши подстрочники, конечно, верну. И Ваши письма (нашу переписку) я тоже храню. Если бог даст (но дать возможность должен здесь еще и какой-нибудь журнал, а здесь это трудней) я тоже что-то напишу. Но, кроме того, эта переписка для «вечности» будет храниться в архиве нашей Академии искусств (где часть уже находится). Может быть, вдруг сам Абай с неба направит желание просмотреть эту переписку. Единственное, чего я боюсь: вдруг с него за это, как оно в ФРГ принято, плату потребуют.

Обнимаю Вас, Лео.

***

Берлин, 24.02.2006 г.

Дорогой Герольд!

Моему письму от 19 февраля вслед я шлю еще эти пару строчек. Насчет издания переводов Дудина я ошибся. Мне так казалось, потому что встречается ряд переводов в книге *Абай, Стихи Поэмы Проза, Алматы, Мектеп, 2002 г.*,

которую я приобрел в прошлое свое пребывание в Алматы.

А еще хотел бы добавить: я кое-что из книги «20 стихотворений Абая» еще переведу. Но до двадцати своих переводов на этом основании не дойду. А то получается, как мне кажется, перевес дидактических стихотворений, которые очень хороши, но для успеха у немецкого читателя слишком компактно их лучше не дать.

Я не знаю, найду ли я где-то книгу Дудина. В здешней Гос. библиотеке я сделал ксерокопию из книги Избранного с предисловием Мухтара Ауэзова. Там я наметил себе некоторые стихотворения, например: «Не просто это – звук часов: «тик-так»» в переводе Нейман, «Природа смертна, вечен человек» в переводе Озерова и еще кое-что. Наверно, прибавлю что-то оттуда. Просмотрю в этом отношении еще раз и подстрочники, которые Вы мне прислали.

До новых поэтических посылок.

Лео

***

Алматы, 21.04.2006 г.

Дорогой Лео!

Позавчера на рассвете закончил роман под названием «Разлад». Семь месяцев безустально корпел над ним. Аллах весть, что из этого

получилось. Намерен для начала «прогнать» половину по разным журналам. А там видно будет.

В одном издании готовят мои «Плетения чепухи», в другом – мой каз. сборник «Мұнар тау».

А я с благословения знакомого Вам Роллана Сейсенбаева (кстати, ему ныне исполняется 60 лет) komponую крохотную книжку «Властелин – Слово» (листов 6), куда войдут мои статьи и заметки по вопросам перевода поэзии Абая на русский и немецкий языки. Некоторые – ключевые – работы Вам известны.

В конце книжки я намерен (с Вашего согласия) дать фрагмент из нашей переписки, проливающей свет на Ваши старания и усилия по воспроизведению Абая по-немецки. Это, полагаю, будет уместно и поучительно. Надеюсь, книжка увидит свет под эгидой Международного клуба Абая еще в этом году.

Разумеется, в голове сидит и наш гипотетический сборничек Абая на немецком языке. До сих пор Вы «онемечили» десять стихотворений Абая. Еще десяток сработаете. А дальше будем думать. Возможно, дадим тексты на трех языках. Добавим в качестве пре- и послесловия две мои статьи. Дадим «Приложение» – 7-8 стихотворений в переводах других. Вот и получится книжка. Детали прояснятся при составлении.

Главное: воздать должное Абаю. Если мы с Вами сработаем такую книжку, Дух Абая будет доволен. А спонсорскую помощь в издании, надеюсь, окажет государственная программа «Культурное наследие». Или возникнут другие проекты.

Для расширения Вашего «абаевского» горизонта высылаю книгу «Абай. 37 стихотворений», составленную тем же Маратом Адибаевым по аналогии с предыдущей «20 стихотворений Абая» (с учетом некоторых Ваших замечаний относительно шрифта). Обратите внимание на стихи «Весна», «Лето», «Осень», «Зима». Может, вдохновит?

Пока все.

Братски обнимаю,

Герольд

***

Берлин, 30.04.2006 г.

Дорогой Герольд!

Высылаю Вам в двух экземплярах тринадцатый перевод: «Сұм дүние тонап жатыр, ісің бар ма?». По сжатости – содержательности кратких строк – стихотворение не отстает от других. Некоторая неуверенность беспокоит меня насчет второй строфы: правильно ли я понимаю

подстрочник «Нет места отчаянию на короткий срок»? (“Doch die Verzweiflung währt unendliche Zeit” – но “unendliche Zeit” все же метафора). Сложнее обстоит дело с двумя последними строками стихотворения. «Язык без костей» – хотя бы по-немецки – очень костлявый образ. А как быть с утесом? Может быть, в казахском языке это является элементом поговорки, которая для читателя раскрывает смысл. Русские переводчики обошли этот утес, частично вообще свободно заменяя Абаевский текст. Я на такую свободу не решился, хотелось оставаться верным Абаю. Но при буквальном сохранении авторского образа (“Die Lippen dehnbare, die Zunge – rippenlos, / sie verstellen den Blick keiner Wahrheit Fels” – по крайней мере, уже попыткой, внести в строку интерпретацию, – это по-немецки не звучит и не вяжется с целой строфой. Я это так и проверял на Шарлотте и на других. В конце концов, я решился на некоторый пересказ при сохранении содержания. И – учитывая отступления самого Абая от одиннадцатисложника – в пользу языковой мелодии всего стихотворения тоже разрешил себе маленькие отклонения. Тем более буду с интересом ждать, как Вы оцените результат...

Обнимаю Вас, Лео.

Алматы 15.05.2006 г.

Дорогой Лео!

...Насторожил меня в Вашем письме чертов «Утес». Откуда он взялся в этом стихотворении Абая? Его ведь там сроду не было! А Вы так старались, подгоняя всю строфу к неведомому “Fels’y”.

Почувствовав неладное, обратился к Абаю. Так оно и есть! Напутал подстрочник С. Тлеубаев, сбил с толку, перепутав «шын» (вершина, пик) с «шын» (правда, истина). И вообще подстрочник тяп-ляп.

Вот что говорит Абай в моем подстрочном переводе:

- 1) Подлая (bzw. коварная, лихая) жизнь обирает (обкрадывает), как тут быть?
(was ist zu machen?) – А
  - 2) Есть ли прежние силы, былой вид? – А
  - 3) Впереди – надежды, позади – сожаление,
обманчива жизнь, – Б
  - 4) Есть ли кто, чьи порывы не втоптала она
в землю? – А
-

- 1) Есть ли сладость, не теряющая вкуса
и не портящаяся? – В
  - 2) Нет места (что проку) отчаянию на
пяток дней. – В
  - 3) Какой соблазн пустой жизни может
стоять – Г
  - 4) Раздора близких и отчуждения родных? – В
-

- 1) Не произноси слов, слетающих с дряб-
лых губ, – Д
  - 2) Гони прочь вожделения капризы. – Д
  - 3) Разве есть у языка кости, у губ – грани. – Е
  - 4) Из-за их завесы не узришь лик истины. – Д
-

Вот о чем речь ведет Абай.

Из русских переводов наиболее близок А. Ко-
дар.

Он перевел с оригинала.

Вообще чует мое сердце: в шикарно издан-
ных «20 ст. Абая» и «Абай. 37 ст.» слабое место
– подстрочники. Поэтому в выигрыше чаще
всего те, кто переводил, минуя их.

Придется, дорогой Лео, внести в Ваш пере-
вод кое-какие коррективы и решительно выки-
нуть «утес».

Герольд Бельгер

Суть третьей строфы – «из-за лживого слова не разглядишь лик истины».

Трудно, тяжело Вы продвигаетесь, иногда на ощупь, в потемках, но уже в состоянии чувствовать фальшивые нотки подстрочника. А это говорит о том, что Вы постигаете Абая. И это радует.

«Вперед, Санчо!» – призывал Дон Кихот.
Обнимаю,

Герольд

III

ПИСЬМА ЛЕО КОШУТА

РАЗНЫХ ЛЕТ³

Дорогой товарищ Бельгер!

Долгое время прошло уже с тех пор, когда мы побывали у Вас в Алма-Ате. За то время уважаемый нами Абиджамил Нурпеисов побывал у нас в Берлине. В письме к нему мы уже сообщили, что мы прочитали Ваш рассказ «Абильмажин» с большим интересом. О публикации мы пока ничего не можем сообщить Вам. Одно обстоятельство в этом рассказе нам непонятно: что такое «трудовая армия», и как объясняется социальное положение той семьи, отец которой ушел навсегда с этой «армией»?

Дорогой товарищ Бельгер, давно мы уже с большим интересом следим за Вашими статьями в «Просторе», и вчера нам Дукенбай Досжанов прислал номер газеты «ФРОЙНДШАФТ» от 22 мая 1971 года. Все названные и проана-

---

³ Мы переписываемся сорок лет. За это время накопилось более двухсот писем, открыток, записок Л. Кошута, адресованных мне. Я их сдам со временем в Президентский архив города Алматы. Часть писем написана по-немецки. В данную книгу вошла лишь небольшая русская часть, с сохранением авторской стилистики и орфографии. Г.Б.

лизированные Вами рассказы, судя по Вашим очень убедительным словам, вызывают наш интерес. Мы уже попросили товарища Досжанова прислать их все нам, но если у Вас найдутся произведения, которых у нас нет, и Вы могли бы – хотя на время – предоставить их нам для работы над антологией казахских рассказов, мы были бы очень благодарны. Особенно мы просим Вас прислать нам Ваши собственные произведения. Ваша статья не только информативна как список новейшей литературы, но и в том отношении, что она указывает на проблемы и тенденции даже на таком ограниченном пространстве, как в газетной статье.

Мы были бы очень рады, если бы Вы постоянно оказывали нам консультацию по вопросам Вашей национальной литературы.

С сердечным приветом, надеясь на хорошее дальнейшее сотрудничество с Вами.

Герлинг Кёниг
Редактор

Лео Кошут
Зав. отд. сов. лит.

Г. Бельгеру
480100 Алма-Ата
ул. Калинина, 88, кв. 16

Берлин, 20 января 1986 г.

Дорогой Герольд!

Большое спасибо за Ваше дружеское, информативное новогоднее письмо. Оно помогает нам – мне, Шарлотте, Кристине и другим Вашим друзьям – видеть Казахстан, Алма-Ату, деяние казахских писателей не только в воспоминаниях о нашем пребывании у Вас, но и в движении.

У «Фольк унд Вельт» в прошлом году вышел сборник, который включает повесть Абиша «Соломинка». Роман Д. Досжанова выйдет не в конце 1986, а уже в начале 1987 года (это по причинам производства). В том же 1987 году должен появиться сборник рассказов Абиша «Теплый снег».

По поводу «Теплого снега». Половину рассказов переводит Кристиане Лихтенфельд, с которой Абиш знаком, вторую половину – еще не знакомая ему Ирене Штробель. Это все проблем – кроме творческих проблем перевода – не представляет. За то оказалось трудно получить казахское издание рассказов («Жазушы», 1978?), по которому сделаны русские перево-

ды (мы получили их в рукописи), и – по нашей информации – недавно вышедшее в Алма-Ате (тоже в издательстве «Жазушы») издание тех же рассказов на русском языке. О том, что эти издания нам нужны, мы писали в разные времена и Абишу, и в Казахстанское отделение ВААП, и в издательство «Жалын» (разговор об этом состоялся и на Международной московской книжной выставке-ярмарке 1985 г.), но, почему-то, все осталось без результатов.

И казахское и русское издания нам нужны для того, чтобы в выходных данных, в содержании указать на то и другое издания (названия, годы издания, издательства), на оригинальные названия рассказов, а также для того, чтобы учесть возможные отличия переводов в книге (в сравнении с рукописью) и т.д. В крайнем случае, нам помогли бы и библиографические даты казахского издания, список казахских названий рассказов. А русское издание, пожалуй, сложнее списками заменить. Абе мы, конечно, видели, когда он приехал на юбилей издательства «Ауфбау» в Берлин. Мы были очень рады этой новой встрече, тем более, что она проходила и под знаком его нового романа «Долг» (первой его книги), за который я завидую «Ауфбау» – но главное, конечно, чтобы книга дошла до читателей Абе в ГДР, так, что с этой стороны я рад хорошей перспективе немецкого издания.

В Берлине мы недавно встречались и с Калтаем Мухамеджановым. Так что немецко-казахские дружеские связи продолжают крепнуть. Здорово было бы, конечно, в один добрый день увидеться здесь и с нашим другом Герольдом!

Привет Вам, дорогой Герольд! Привет Рае! Привет всем нашим друзьям. Приветы передают, конечно, и Шарлотта, и Кристина. Кристина, между прочим, следит теперь за казахской литературой с более «высокой» точки, как, мой заместитель по руководству всего нашего отдела советской литературы, а непосредственно «за казахскую литературу у нас отвечает» новый перспективный сотрудник (сотрудница) – Ганна-Мария Браунгардт.

Дружески, Ваш

Лео Кошут.

P.S.: На первой странице письма следует, конечно, вместо названия «Жалын» писать «Жазушы».

Берлин, 10.04.1986 г.

Дорогой Герольд!

Получил за короткий срок два письма. Спасибо! Обрадовался, конечно, Вашей оценке «Арбатского романса». (Цена у нас шифруется, смотрите на 4-й странице внизу и Вы ее «угадаете».)

Я пишу коротко. Вылетаю на днях в Москву, а здесь надо еще множество дел завершить.

О поэтических переводах, правда, можно бесконечно спорить, и без конкретности любой спор бесполезен. Но в спор о деталях я не вступаю, потому что подойти к самой детали надо, прощупав «пульс» целостного стихотворения (или всей поэмы), а это уже специальная работа. Со многим, что Вы пишете о наших современных поэтах-переводчиках, я бы согласился. Но опять-таки не оптом. Есть среди них и хорошие, среди их работ хорошие. Об одном Кирше можно очень много разного сказать. Автор одной диссертации у нас доказывает, что он блестяще перевел именно Есенина, ругает зато Эндлера. А я с автором диссертации ни в одном, ни в другом случае целиком не соглашусь. Все же, есть интересная книга у Кирша – о поэтическом языке, включая язык поэтических переводов: «Das Wort und seine Strahlung».

О Ткачике не буду спорить. У него были хорошие предпосылки, именно для перевода Олжаса. А готовя книгу Олжаса, я с ним безвыходно намучился. Задним числом видно, что он в то время фактически уже умирал. Откуда ему было взять «напор, размашистость, темперамент, дерзость»? И отнять ему работу в том положении было нельзя. Все же, по-разному получились его переводы в той книге, и не он один там представлен как переводчик, есть – на мой взгляд – любопытные работы.

Что касается публикации моего письма о переводах Есенина, то я просто не знаю, что сказать. Писал я письмо, и не Больгеру, а Вам (ему я, конечно, написал бы немного по-другому в смысле личного обращения). Для публикации я бы кое-что уточнил, развил. Но на переделки у меня нет времени (особенно сейчас, уезжая в командировку). Так что, поступайте, как Вам кажется целесообразно.

За все информации – спасибо. Вашим собственным публикациям буду, конечно, рад. Все приветы передал. А какой это был юбилей у Раи? Какой бы он не был – задним числом сердечно поздравляю.

Дружески,

Лео Кошут.

30.12.1987 г.

Дорогой Герольд!

Спасибо за радость, которую Вы мне всегда предоставляете напоминаниями о себе.

Еще в Москве, во время Международной книжной выставки-ярмарки, я встретился с Вами: в посольстве ГДР, как только я туда зашел, мне говорят (шутя, конечно): «Ты сегодня самый великий». А потом оказалось, что они имели в виду Вашу статью «Дружба конкретного смысла полна» в «Советской культуре». А в Берлине мне здешний представитель ВААП прислал вырезку из газеты с той же статьей. Мне, конечно, приятно было, читая Вашу статью, вспоминать свои приезды в Алма-Ату, встречи с Вами... Опять-таки: как внимательно всюду Вас читают!

На днях я вернулся из Тбилиси (Илья Чавчавадзе!)⁴. Нахожу Ваше письмо от 10 октября. И с удовольствием отвечаю. Дукенбай пусть не переживает, его роман «Шелковый путь» только что вышел из печати. (Конечно, о книге были сообщения в каталоге издательства, в обзорных рекламных статьях.) Один из первых экземпляров мы выслали прямой по-

---

⁴ Наша «русская» секретарша долго болела и только теперь отпечатала письмо.

чтой в его адрес – независимо от тех экземпляров, которые, он по договору должен получить через ВААП. Надеемся, что наше издание его устроит. – У нас заказы книжной торговли поступают независимо от установления тиража издательством. Тем приятнее, что заказы, которые собраны уже в преддверии появления книги, сильно превышают тираж. Значит, успех.

Я рад, что у Вас лично, видимо, все в порядке. Желаю Вам всего доброго. Поклон Рае.

Обнимаю Вас,

Лео.

***

03.09.1990 г.

Дорогой Герольд!

Надеюсь, что известия о нашем приезде уже дошли – и через наше посольство в Москве, и через московское правление общества «Возрождение», и через официальное письмо нашей организации в Берлине.

Прилетим втроем 14 сентября для обсуждения вопроса, как получше помогать обществу «Возрождение». Буду рад нашей новой встрече. В Берлине по этому поводу встречался уже и с Эрлихом, и с Вормсбехером, и с Туттик (Киев). Кроме обсуждений будет желатель-

но получить побольше зрительной информации – о жизни, культуре и искусстве, литературе, о печати, хозяйстве, да и церковных делах и т.д. Узнать итоги Вашего съезда, о дальнейших перспективах, планах. Ваш немецкий театр мы будем принимать уже в Берлине, но заглянуть на его алмаатинскую базу будет тем более желательным. Так что, в субботу и воскресенье отдыхать нам вряд ли полагается, надо использовать все время.

И все же надеюсь, что найду немножко времени, чтобы повидаться и с другими своими друзьями – Абдижамилем Нурпеисовым, Абишем Кекилбаевым... Наверно, на короткую встречу в Алма-Ату придет наша /шарлоттина/ «крестная дочка» из Узун-Агача с родителями. О их пребывании в гостях у нас в Берлине напечатал статью в газете Сейдахмет Бердикулов. Может быть, он напечатает в той же газете и статью или интервью о визите нашего общества, о его целях, о наших с Вами общениях в Алма-Ате.

Привет Рае, привет от Шарлотты. До скорой встречи.

Лео.

Берлин, 5.12.1995 г.

Дорогой Герольд!

Спасибо за «Феникс», спасибо за письмо от 23.10.95 г.! Вы меня не только публикацией моей статьи об Есенине в «Фениксе» очень обрадовали, но и Вашим предисловием – ордену похожим, а особенно меня порадовало соседство моей статьи с Вашей (Вашиими статьями). Опечатки в моей статье простительны, если учесть число опечаток в самом трехтомнике. Вопрос его издания решался годами (из-за финансов), а производство свершалось в большой спешке. Но успех большой, сплошное большое признание – даже в таких газетах как *Frankfurter Allgemeine Zeitung* и *Die Welt*. А рецензий – множество. У алматинской *Deutsche Allgemeine Zeitung* издания нет, а то было бы интересно увидеть и ее рецензию, тем более, что трехтомник построен с учетом российско-немецких переводов и даже критики Фридриха Больгера, напечатанной много лет назад в еще целиноградской *Freundschaft*.

Ваши «Этюды об Абае» я читал с величайшим интересом. Очень тонко Вы трактуете тысячелетнюю связь между великими поэтами разного национального происхождения (и все же единого мира), вопросы поэтического пе-

ревода, величия Абая и трудностей на пути к его восприятию по переводам на другие языки. Я признаюсь, что и в моем сознании Абай живет главным образом благодаря дилогии Ауэзова. Ее я впервые читал по-русски и по-немецки более 35-ти лет назад, когда мы в издательстве Volk und Welt ее издавали – первую книгу («Абай») в переводе Гильде Ангаровой, вышедшей в 1953 году в Москве, а вторую книгу («Абай жолы») в переводе Руппрехта Вильнова, сделанном по нашему заказу в ГДР (а оба перевода основаны на русском переводе). Уже тогдашнее прочтение оказало на меня незабываемое впечатление, углубленное еще моим общением с художником Bert Heller, который по нашему заказу делал иллюстрации. Роман впечатлял меня тем, как образ Абая, его поэтическое творчество вырастают из динамического образа казахстанского общества, его традиций, противоречий, прогресса, его культуры. Это впечатление провожало меня во всей моей ориентации на издательское представление советской литературы как литературы многонациональной, в том числе казахской. Но и в тех переводах вкрапленные поэтические тексты отстают от прозаических, что подтверждает Ваши высказывания о трудности перевоплотить богатство и красоту поэзии Абая на языке перевода. По Вашим указаниям я посмотрю,

каковы получились переводы Абая на немецкий вне диалогии Ауэзова.

А диалогию Ауэзова я в этом году перечитал снова в связи с подготовкой к работе над статьей к изданию Абиша Кекилбаева в моей новой библиотечке *ex oriente*, так как я стараюсь трактовку каждого автора и изданного его произведения «вписать» в образ национальной литературы, из которой он происходит. (Та справка, которую я получил о биографии и творчестве Абиша, правда, очень официальна, так же, как и фото; и о том, имеются ли более новые литературные работы, или над чем Абиш работает, – ни слова.) Я Вам, пожалуй, пришлю вышедшие две первые книжки, чтобы показать Вам (и Абишу), в какую серию он войдет. Издание, правда, задерживается, потому что пока в год выходят вместо четырех-пяти книжек только две. Издательство надеялось на лучшую продажу, надеялось наверно, что при виде моего портрета в каждой книжке – наряду с портретом автора – люди сразу весь тираж раскупят.

Еще по поводу Ваших «Этюдov»: с проблемой непереводимости я столкнулся по-другому, готовя к изданию стихи/песни Булата Окуджавы (я не знаю, известна ли Вам моя книга *Bulat Okudshawa «Romanze vom Arbat»*, изданная и с оригиналами, и с поэтическими переводами, и

с моим «пересказом» стихов/песен, и с нотами, и с грампластинкой). Я знал и предвидел, что поэтические переводы, в песнях тем более скованные ритмом и рифмой (являющиеся в оригинале абсолютно непринужденными), не передадут естественности текста. Поэтому я с одной стороны старался привлечь к делу поэтов, которые все же могли бы справиться с проблемой, а с другой стороны поставил рядом с ними свои «пересказы». После появления книги часть рецензентов замечала, что зря я включил эти пересказы, раз в ней есть поэтические переводы, а другая часть писала, что пересказы намного убедительнее поэтических переводов, так что лучше следовало ими ограничиться. Это, по крайней мере, любопытный результат.

Мне пока еще не удалось найти «оказии», чтобы прислать Вам мой трехтомник Есенина. А по почтовому пути боюсь и повреждения кассеты, и вообще кражи посылки (в которой могли бы иметься иностранная валюта или другие ценности). Но долго откладывать дело тоже не следует. Пожалуй, я все же на днях отправлю издание по почте. Из-за опасений прошу Вас подтвердить получение. А пошлю посылку – именно надежности ради – на Ваш правительственный адрес, даже если Вы оттуда уже ушли.

Видимо, и тем факсом уже в принципе нельзя пользоваться? А, может быть, имеется другой факс? А как у Абиша – раз он депутат, а то еще и при должностях (по письму А. Молдагарина со справкой – государственный советник Президента Республики Казахстан и заместитель председателя Национального совета по государственной политике при Президенте Республики Казахстан), то у него тоже должен быть факс? Я не знаю, писал ли я Вам уже, что у меня изменились и телефон (030 / 533 73 65) и тот факс, по которому я могу получать сообщения (030 / 617 32 015; с указанием: Für Kossuth, Tel.: 533 73 65). Кроме того, думаю о том, не завести ли свой собственный факс; в таком случае, конечно, сообщу.

У нас меняются не только телефоны, но и названия улиц. Думаю, что у Вас тоже. А все алматинские адреса у меня старые. Так на каких улицах проживают теперь те, кто у меня записан по адресам: Коммунистический проспект, ул. Карла Маркса, ул. Тулебаева, ул. Маркова (Абиш проживает еще по старому адресу?), ул. Панфилова, Пролетарская ул., ул. Интернациональная, ул. Чайковского; ул. Абая уж вряд ли изменилась.

На конференциях *Wiedergeburt* я уже давно не бывал. С одной стороны, Гроут наш *Kuratorium* разлюбил после того, как мы не

поддержали его новый курс на выезд всех российских немцев в Германию, а потом он вообще пропал и вместе с ним наша информация о местонахождении центра Wiedergeburt (говорят, что Гроут переехал в область Калининград), а новая связь с Wiedergeburt у нас не состоялась. С другой стороны, наши хорошие отношения с Гуго Вормсбехером хотя и продолжаются (недавно, принимая участие в московском Международном симпозиуме по поводу столетия со дня рождения Сергея Есенина, устроенном ИМЛИ, я посетил и его в бюро Международного Союза российских немцев), но он очень придерживается требования правительственных органов ФРГ, чтобы все связи шли через VDA (Verein für das Deutschtum im Ausland). Им не нравится наше происхождение из ГДР (хотя Kuratorium основан в 1990 году), и конечно они преследуют далеко идущие политические цели, которые мы не разделяем. Кроме всего этого, такие поездки приходится финансировать из своего кармана.

Таким образом, получается, что наши мероприятия («проекты») по направлению России, Казахстана ограничены в то время, когда мы очень активно сотрудничаем с немецкими организациями в Польше, Чехии, Венгрии, Румынии, устраивая там чтения писателей из ФРГ, профессиональные семинары

для писателей / поэтов (Werkstattgespräche), поддержку немецкого театра в Венгрии, приглашаем писателей на выступления у нас и т.д. На все это нужны спонсоры, не все удастся, а многое все же (в исключительных случаях все же и с деньгами от Министерства иностранных дел, но чаще от правительств восточногерманских «Земель»). А что касается выезжающих из России или Казахстана немцев, то наш Кураториум включил в свои задачи и заботу о них (более того, о переезжающих из любых стран в Берлин и немцев, и иностранцев).

Кое-что мы сделали и в Казахстане, участвовали дважды в семинарах, проведенных в Алматы «Фондом Фридриха Эберта» («Friedrich-Ebert-Stiftung»), по нашему приглашению здесь была с персональной выставкой художница Волковинская-Герр из Казахстана, сейчас мы приобретаем для нее моторизированную коляску, поскольку она парализована; с сентября 1996 года мы стараемся устроить члена Кураториума Маргуля (Margul) учителем немецкого языка в 10-ой гимназии в Алматы; не буду уже говорить о том, что нам удавалось в самом начале нашей деятельности, когда мы издали большим тиражом немецкий букварь, пригласили на гастроли в Германию алматинский немецкий театр. Установись у нас постоянная рабочая связь с казахстанской организацией

российских немцев, то мы могли бы подействовать намного активнее – независимо от того, идет ли это по линии Wiedergeburt или по линии Zwischenstaatlicher Verband der Rußlanddeutschen.

Вы, пожалуй, занимаете еще руководящее место по делам российских немцев в Алматы / Казахстане? Может быть, это все можно устроить с Вашей помощью? Раз Вы уходите «от ветреной особы – политики» и остаетесь «со старой женой – литературой» – не поискать ли новой okazji для приглашения Вас в Берлин (на чтения, выступления или чего бы там ни было)?

Ой, какое длинное письмо получилось! А осталось все же еще одно существенное дело: Хотя и с громадным опозданием, но тем сердечнее я Вас поздравляю с Президентской премией мира и духовного согласия! Прошу передать мои поздравления – с намного меньшим опозданием – по аналогичному поводу и так же сердечно Абишу; я бы ему сам написал, но думаю, что он в связи со своими политическими постами мог изменить адрес. А мне следовало бы вновь установить прямую связь с ним и по поводу издания его в «ex oriente». Между прочим, при таком издании издательство будет очень заинтересовано в том, чтобы его пригласить на выступления/чтения, а я помню, как

его встречали читатели, когда он много лет назад был членом писательской делегации в Берлине. Все обращались к нему, а я, как ведущий вечера, с трудом вовлекал других членов делегации в общий разговор, чтобы не было обид (хотя внутренне радовался за Абиша).

Всего Вам доброго, дорогой Герольд! Привет, конечно, и от Шарлотты. Наш совместный привет Рае – как она здравствует?

Дружески, Ваш Лео.

P.S.: Эрике Фогт я сообщил, как хорошо Вы приняли ее статью. Она сообщению рада, благодарит Вас, присоединяется к нашим приветам.

***

Берлин, 13.01.1995 г.

Дорогой Герольд!

Еще раз спасибо за все хорошие вести. Конечно, мне будет приятно и лестно увидеть свою статью в Вашем «Фениксе». Окончательный текст везет Вам Абдижамил Нурпеисов. Встреча наша была, правда, чрезвычайно короткая – он остановился в Берлине проездом на один день, а именно в тот день я должен был ехать в Дрезден. Жаль, мы с Шарлоттой надеялись на «настоящую» встречу. Я даже не

успел вовремя приурочить свою статью к Вашей публикации. Дело только в ссылках вроде «in der vorliegenden Ausgabe», «die vorliegende Ausgabe», которые относятся к публикации в здешнем книжном издании. Решайте сами, надо ли эти места переделать, как я это уже сделал в первой присланной Вам рукописи, или нельзя ли все оставить так, как оно есть – ввиду Ваших «предварительных фраз».

Очень рад я информационной карточке Союза писателей Казахстана по поводу Вашего шестидесятилетия. Я и рад, и опечален тем, что не знал вовремя о Вашем юбилее. Но раз идет речь о прожитых шестидесяти годах, да конечно и о предстоящих, по крайней мере, тоже шестидесяти, то три месяца опоздания пожалуй не в счет.

А у меня есть много причин для того, чтобы присоединиться к тем, кто Вас поздравлял вовремя – и в большом кругу Ваших друзей выпил с Вами за Ваше здоровье, за еще много лет счастья, успехов во всех областях Вашей деятельности, за успехи в Вашем творчестве.

Вы были в кругу тех, с кого началось мое непосредственное знакомство с Казахстаном. Для пользы дела мы с Вами встречались, когда я в издательстве Volk und Welt готовил немецкую антологию казахских рассказов, вышедшую в 1979 году. Интенсивно я пользовался Вашей

ценной консультацией, когда я в том же издательстве готовил антологию рассказов российских немцев, и я не представляю себе ее издания в 1983 году без Вашего послесловия – первой для читателей ГДР развернутой информации об истории и о положении российских немцев – не обходящей сложных вопросов этого дела. Незабываемое наше с Шарлоттой четырехнедельное пребывание в Казахстане по приглашению Абдижамила Нурпеисова дало нам множество прекрасных впечатлений, одарило нас новыми друзьями – к тому даже новорожденной тогда казашкой, ставшей крестной дочкой, тоже было уже не представимо без общения с Вами. Сколько Ваших и рассказов, и статей я перечитал с тех пор в немецкоязычных (и русских) казахстанских, московских журналах и газетах – особенно уже в связи с моей работой над немецким трехтомником Есенина, готовя библиографию немецких переводов Есенина, включая переводы российско-немецких поэтов, подступая к обобщению их заслуг в немецкой рецепции Есенина. В этом деле Вы оказали мне и прямую помощь, о чем я с благодарностью упоминаю в своем есенинском трехтомнике, который должен выйти из печати в июле 1995 года. После всего этого сама судьба решила, что нам следует встретиться и в новых должностях – Вашей как председателя Не-

мецкого культурного центра в Алматы и моей как президента Кураториума по культурной помощи немецким меньшинствам за рубежом, в том числе по масштабности, в первую очередь, российским немцам. (Не знаю, как быть с терминологией теперь, когда следует из них выделить казахстанских немцев).

«Одним словом», окажись я за Вашим «юбилейным дастарханом», я мог бы черпать из богатого материала, выступая с тостом за Вас, заслуженного юбиляра, моего дорогого друга. Вношу теперь это свое слово задним числом. Поздравляю Вас, поздравляю Раю с таким мужем, приветствую задним числом участников Вашего юбилея, среди них тоже много моих, наших с Шарлоттой друзей. Я не теряю надежды, что мы за все это все же когда-то вместе выпьем – то ли в Алматы, то ли в Берлине.

А раз совместных дел у нас много еще и впереди, спрашиваю Вас под конец письма: а по какому номеру Вы советуете слать факсы Вам? О своем я Вам написал уже: 2318935 (после берлинского кода 030 и называя мою фамилию латынью и мой номер телефона 2727365, так как это факс соседней с нашей квартирой фирмы).

Всего, всего Вам доброго, дорогой друг Герольд. Конечно, к моим поздравлениям присоединяется Шарлотта.

Ваш Лео + Шарлотта.

Берлин, 27.09.1996 г.

Дорогой Герольд!

Собираясь на встречу с выезжающим в Алматы Гендриком Маргуль (Hendrik Margull), который будет там по поручению Кураториума учительствовать, спешу написать Вам хотя бы несколько строчек.

Ваши проблемы с сердцем меня, конечно, огорчают. Очень хотелось бы, чтобы Вам удалось от них избавиться.

Большое спасибо за Ваше письмо от 21/24 августа. Ваши слова о моем есенинском трехтомнике я принял как государственную премию.

Я рад, что до Вас дошла газета с моей статьей о Вашей великолепной Библиографии. Раз газета пришла в ущербном виде, я к этому письму прилагаю еще экземпляр («частичный»).

Между прочим, я 27 августа послал Вам письмо, к которому приложил наш HAND-SCHLAG, где моя статья напечатана в немного измененном виде. Возможно, Вы получили тем временем то письмо с приложением, но на всякий случай прилагаю сегодня и то, и другое.

Вы пишете, что мою статью использует DAZ. Если это случится, то я был бы благодарен за экземпляр той DAZ, но, учитывая ненадежность почты, скажу, что мне поможет даже

сообщение о том, в каком номере газеты это было – найду. (То же самое на случай, что был какой-нибудь отклик на издание Есенина.)

Сегодня мне фрау Фогт передала присланный Вами "Феникс" № 14 – большое спасибо.

Спасибо, конечно, и за приветы Абе – я бы специально написал и ему, и Абики, но должен быстро завершить это письмо, чтобы не опоздать на выступление Маргуля.

Всего Вам наилучшего, особенно здоровья!

Ваш Лео.

P.S.: Намарал много ошибок, но это от спешки. А в Ваших письмах меня всегда впечатляет просто-таки художественный почерк.

***

Берлин, 27.08.1996 г.

Дорогой Герольд!

Недавно я выслал Вам свою статью о Вашей Библиографии, вышедшую в газете «Neues Deutschland»; надеюсь, что она тем временем дошла. Здесь статья вызвала уже ряд интересных реакций:

Сперва ко мне обратился человек, якобы знакомый с Вами, не располагающий Вашим

адресом, но заинтересованный в возможности обратиться к Вам; я дал ему адрес.

Потом я получил письмо от нашей Национальной библиотеки в Лейпциге (**Deutsche Bücherei**. Auslandserwerbung. Frau Käte Schroeter. Deutscher Platz 1. 04103 Leipzig), они хотели бы приобрести Вашу Библиографию, кроме того, прислали мне на проверку данные о Ваших немецких изданиях, имеющих у них («Живые приметы родства» и «Лицом к лицу»); я дал им полные библиографические данные о Библиографии, сообщил Ваш адрес, но посоветовал, не утруждая Вас, обратиться за помощью к Национальной Библиотеке Казахстана (с которой у них должен практиковаться обмен) или к одному из спонсоров Библиографии советнику по культуре в посольстве ФРГ Зоненхолю (не зная, правда, как его имя правильно написать по-немецки), сообщил им так же адрес издательства «Жибек Жолы»; что касается полной информации о Ваших на немецком языке изданных книгах, то я сообщил им, что можно черпнуть из самой Библиографии («Чайки над степью» – да еще немецкие издания других авторов), но все же направил их к Вам. Они поинтересовались также журналом «Феникс», которого у них имеются номера до десятого; так я сообщил им, что у меня имеется уже и тринадцатый, присланный мне Вами.

А сегодня обратились ко мне из здешнего русско-немецкого журнала «Studia», просят, чтобы я о них тоже написал, и чтобы я для них написал тоже о Вашей Библиографии.

Статья в «Neues Deutschland» была сокращена еще и по отношению моего сокращенного текста; я прилагаю к письму «просто» сокращенный текст, который все еще не «влез» в отпущенный мне объем.

А тем временем появился и «журнальчик» Кураториума» HANDSCHLAG № 12 с первым – более развернутым и не сокращенным вариантом моей статьи о Библиографии. Отдельной почтой шлю Вам два экземпляра. Отдельной почтой оттого, что толстое письмо за границу обходится дорого, а печатные изделия доставляются дешево. Так зачем зря выступать спонсором почты!

Я надеюсь, что все хорошо дойдет, и на всякий случай прошу подтвердить получение.

О журнале «Феникс» обещает написать статью для HANDSCHLAG Эрика Фогт.

Трудности возникли с моей серией «ex oriente», книги плохо продаются. Издательство, на мой взгляд, правда, слишком мало позаботилось о рекламе, и я с ним спорю о том, как надо поступать в дальнейшем. Пока вопрос еще не решен, а таким образом задерживаются и планы в отношении Абиша. Но я так быстро не сдаюсь.

Всего Вам доброго, дорогой Герольд, привет всем нашим друзьям, поскольку они Вам встречаются.

Ваш Лео.

***

Берлин, 21.05.1996 г.

Дорогой Герольд!

Большое спасибо за письмо, за Библиографию, за новый «Феникс». Вы совершили важнейший труд, и ссылки на заслуженного предшественника добавочно Вам в честь идут. Я с громадным интересом прочитал, прочитал не только предисловие, но все статьи о вошедших в Библиографию писателей. Обязательно отрецензирую – сперва в HANDSCHLAG, что устроить не трудно, пока он еще появляется, а потом попытаюсь в газете или еженедельнике.

Я понимаю, насколько трудно собрать такой материал, и надеюсь, что Вам удастся в будущие издания добавить не найденное еще, о чем Вы говорите в предисловии. Марию Выс, о которой я Вас когда-то спрашивал (переводчица вместе с Г. Люфтом и Д. Шелленбергером), так и не удалось еще найти. В Грузии очень чтут Артура Лейста (1852-1927), который поселился в Тбилиси в 1892 году, прожил там до смерти, там и похоронен; мне пришлось писать о

нем в издании Ильи Чавчавадзе (Лейст переводил и прозу, и стихи, писал о Грузии и грузинской литературе). Не знаю, насколько она кандидат для такой библиографии, так как работала только переводчиком художественной литературы с русского на немецкий, но она этому делу всю жизнь посвятила. Гильде Ангарова в Москве; но если назвать ее, возникают сразу другие имена (Юрий Эльперин и др.).

В «Фениксе» я вижу, что Вы заняли должность главного редактора. А сам номер очень интересный, мне не удалось еще все прочитать, но прочту обязательно.

Но сегодняшний повод к письму дает возможность новой попытки послать Вам мой немецкий трехтомник Есенина. Я сегодня узнал, что, пожалуй, в июле собирается из Варшавы в Алматы Игорь Трутанов, а на днях едет к нему из Берлина один знакомый члена нашего «Кураториума» Бандау. Так через него я пошлю Есенина Игорю Трутанову, а с ним Есенин, наконец, до Вас дойдет.

Ваша жизнь беспокойная, и я Вам сочувствую. Но я знаю по себе, что есть люди, за которых еще и еще разные должности цепляются. В этом эти люди сами виноваты – зачем они слишком явно показывают, что это все им под силу! А таким людям очень трудно уберечься хотя бы от того, что им зря силу отнимает. И все же хорошо, что они есть.

Вы называете в Библиографии некоторые свои должности, в письме упоминаете «приличное функционирование немецкого культурцентра». Как мне помнится, Вы являетесь и его председателем? Я спрашиваю потому, что мы от «Кураториума» стараемся устроить опять кое-что в Алмате, а это могло бы и Культцентру дать пользу, и мы могли бы кое-что совершить с Вашей помощью. Один «проект» предусматривает, чтобы один немецкий учитель проработал несколько месяцев в одной алматинской школе для немцев (Маргуль, у него есть на это уже порядочный опыт), а второй, чтобы другой учитель немецкого языка (Рау), вместе с тем автор «авторской песни», выступающий с гитарой, поехал на несколько выступлений в Алматы – для выступлений и перед школьниками, и перед взрослыми, проведения работы с тамошними учителями немецкого языка, выступлениями и перед российскими немцами, и перед казахами, представителями живущих там других народов.

Жаль, что почтовая связь настолько скучная и ненадежная. Повторяю свой вопрос, нет ли возможности, обращаться к Вам факсом. Тот же вопрос по отношению к Абишу. Приближается тот момент, когда придет черед его изданию в моей библиотечке «ex oriente», а тогда мне очень понадобится возможность оперативного общения с ним.

Мы с Шарлоттой тоже беспрестанно трудимся. Для четвертой книжки моей библиотечки Шарлотта переводит новые рассказы Булата Окуджавы, а я пишу послесловие (до этого вышли А. Грин и И. Чавчавадзе, выйдет А. Куприн). Кроме того, мы приступили к новому переводу Ю. Рытхэу для одного швейцарского издательства. А «Кураториум» тоже свое берет. Правительство ФРГ, основываясь на проблемах в экономике, прикладывает все силы к тому, чтобы свести на нет социальные достижения. Иссякают деньги в кассах городов, земель, а вместе с тем, выходят из строя спонсоры «Кураториума», иногда находит на нас даже угроза, что не сможем просуществовать дальше. А борьба за это существование стоит больших сил. Кое в чем наша модель тоже «бордель».

На таком оптимистическом высказывании я поставлю точку. Так как приезд Игоря Трутанова предвидится не завтра, я положу одну копию этого письма в кассету Есенина, а вторую копию вышлю почтой – авось, скорее дойдет. Тогда не оáëáаëüéоáñü⁵ повторению,

Приветствую Вас, приветствую Раю,

Ваш Лео.

---

⁵Эту футуристическую шутку (по Крученыху) самостоятельно устроил компьютер. (Расшифровываю: не удивляйтесь).

Берлин, 15.08.1996 г.

Дорогой Герольд!

Сегодня пишу совсем коротко. Главная цель письма, послать Вам опубликованную именно сегодня рецензию на Ваш лексикон «Российские немецкие писатели». Это – не совсем «рецензия», потому что газета публикует только рецензии на книги, которые вышли в Германии. Но мы договорились, что я напишу «косвенную» рецензию в форме фельетона. А само намерение редакция оценила очень высоко.

Так я прилагаю вырезку из газеты Neues Deutschland, а одновременно высылаю целую газету, которая наверно будет дольше в пути. Авось, дойдет и то, и другое. А в «газетке» Кураториума Handschlag появится скоро еще статья – явная рецензия, во многом конечно повторяющая сегодняшней «фельетон». По правде говоря, я сперва вторую написал, а потом обработал (конечно, и сократил) для газеты.

Я надеюсь, что тем временем дошел до Вас и мой есенинский трехтомник. Игорь Трутанов собирался в июле в Алматы, и ему я издание давно переправил в Варшаву.

Всего Вам доброго.

Ваш Лео.

Берлин, 12.04.1998 г.

Дорогой Герольд!

Сегодня Пасха, пасхальное воскресенье. Мы с Шарлоттой еще вчера выехали на дачу, сегодня проделали «**Osterspaziergang**». Погода, правда, не очень пасхальная: довольно холодно, и то и дело дождь идет. А все же – природа, чистый воздух, и в саду ждет множество не сделанных вовремя работ. А перед большим панорамным окном постоянное собрание птиц.

Я Вам давно должен был написать. Декабрьской бандероли («Феникс» и др.) я не получил, но получил три книги с письмом от 24 февраля. Я в то время был занят сверх головы. Завершал вместе с Шарлоттой перевод одного романа Юрия Рытхэу для швейцарского издательства. Писал журнальную рецензию о большом и сложном романе Отара Чиладзе («Авелум»). Старался спасти «Кураториум», который, тем временем, все же пришлось ликвидировать из-за потери материальной основы. Так что прошу прощения (надо было хотя бы подтвердить получение!) и сердечно благодарю.

Тем временем я большую часть прочитал, прочту, конечно, все. Прочитал и с удовольствием, и с большим познавательным эффектом, и с волнением книгу «**Drunten im Tale**». Прочитал в книге «Завтра будет солнце», ре-

комендованные Вами по сюжету автобиографические вещи, а они дают, конечно, намного больше, чем биографическую информацию. Из-за них я прочту и все другое. В книге «Лики» я тоже пока только отдельные вещи прочитал, остальное еще впереди. Так что польза и удовольствие чтения превосходят ту цель, из-за которой я взялся за чтение. И тем больше я благодарен за возможность написать напутственное слово к Вашей книге о российско-немецких писателях. Пока это, конечно, как всегда, еще задание, которое ждет решения.

Спасибо за сообщения о наших алматинских друзьях-писателях. Мы с Шарлоттой их, конечно, тоже приветствуем – особенно Абе (его покаяние из-за наших открыток, на которые он не ответил, меня немного утешает после моей вины перед Вами). Пусть Абе забудет про те две открытки, а когда он напишет независимо от них о себе, об Ажар, о дочках и внуках мы будем очень рады. Эрика Фогт Вам, наверно, на днях написала. Вам всего наилучшего в смысле здоровья!

Дружески,

Ваш Лео.

Берлин, 30.03.1999 г.

Дорогой Герольд!

Большое спасибо за книгу «Помни имя своё» и письмо. Книга мне, конечно, дорога уже тем, что в нее вошла статья «Благодарность собрату», но она мне также дорога всем своим содержанием. Я еще не успел все прочитать, это – все же не роман, а занятый много. Но завершение чтения впереди. Одну статью мы с Шарлоттой прочитали сразу, как только книгу распаковали, это статья об Иоганне Варкентине. Мы его хорошо знаем, потому нам было заранее ясно, что задание сложное. И оба глубоко впечатлены чуткостью и основательностью, с которыми Вы соединяете признание его выдающихся свойств с характеристикой тех его черт, которые осложняют отношения с ним даже при самых дружеских намерениях, при уважении к нему и его творчеству, при учете трудной судьбы. Так написать на такую сложную тему, это – высший класс.

На днях я был на Лейпцигской книжной ярмарке (которая все еще существует), говорил там с представителем издательства edition ost, где готовят к изданию Ваш Лексикон. Еще до ярмарки я понял, что на самой ярмарке книга еще не может экспонироваться: только две недели назад я получил контрольный оттиск

своего предисловия. Но издательство считает, что Лексикон выйдет из печати в апреле/марте, а около двух недель до выхода в свет Лексикона в журнальчике *Das Blättchen* напечатают это же предисловие в пользу рекламы для книги. Сегодня же мне факсом прислали контрольный оттиск этой публикации. Вклад маленький, но приятно, что он «работает» в пользу Вашего бесценного Лексикона. Вместе с тем видно, что дело продвигается вперед.

Сочувствую Вам по отношению трудностей с сохранением «Феникса», как и Абе по отношению его забот о ПЕН-клубе. «Кризис духа и бытия» у нас общий, в богатой ФРГ он происходит пока еще на более высоком уровне, но потери не менее ощутимы. Хватило бы денег на войну против сербов (!?), главной целью которой – как мне кажется – является вовсе не Косово, а «эмансипация» НАТО от ООН (под предводительством США).

Я желаю Вам крепкого здоровья для всех Ваших дел (в том числе для завершения романа) – да и просто радости ради. Привет Вам от Шарлотты и – с дружескими чувствами – от Вашего Лео.

Берлин, 2.06.1995 г.

Дорогой Герольд!

Я пишу Вам, но с просьбой довести содержание факса и Абишу. Письмом не успеть. Мне открылась возможность издать библиотечку «ex oriente». Произведения национальных литератур стран восточнее ФРГ. 4-5 названий в год, объем книжки – максимально 5,8 авторских листов (с учетом увеличивания при переводе на немецкий). Переиздания и новинки, современное и классика. По качеству и читаемости только вещи, которые обеспечивали бы продолжение библиотечки. Я предлагаю выбор, пишу послесловия. Издает маленькое лейпцигское издательство. Первые две книжки выходят этим летом: «Алые паруса» А. Грина, «Человек ли он?» И. Чавчавадзе. Весной 1996 собираюсь издать Ю. Нагибина «Встань и иди» и Абиша. Называю выбранные вещи Абиша по изданиям Volk und Welt 1982 и 1987 гг.: «Der Wettkampf», «Ein nützlicher Mann». Намеренно составляю историческую повесть с короткой (?) о сравн. современности.

Вопросы: согласен ли Абиш? Правильно ли я помню, что переводы на русский Ваши? Понадобится актуальная информация об Абише, дополняющая по-старому известное мне; также выборочная библиография, фото. В моих

руках еще старый Ваш газетный немецкий очерк «Gebirgspässe». Мне представляется, что я напишу послесловие – «раму», а вставлю частично ответы Абиша на мои вопросы, чтобы ввести информацию, недоступную мне. Согласится ли он? Вопросы может он, можете Вы к моим добавить, если хочется таким образом существенное добавить, о чем я не спросил. Возможно и косвенное использование ответов с моей стороны. Конечно, от издательства будет гонорар. Печатать имеющиеся переводы будем по лицензии от издательства Volk und Welt.

Желательно получить ответ факсом (после кода ФРГ) 030 / 231-89-35, указывая латынью: Für Kossuth, Tel.: 272-73-65. Это – фирма, которая мне передаст (телефон мой). (Биографическое можно, конечно, отдельно и позже прислать).

Впредь не повредят и предложения авторов/произведений на (редкое при маленьком числе книжек) будущее. Это касается все еще и рассказов до 9-ти страниц рукописи для газеты, о чем я когда-то уже писал. (Если на казахском, то хотя бы с подробной информацией о содержании и художественной отделке).

Приветствую Вас, привет Абишу,

Ваш Лео Кошут.

Берлин, 3.11.1998 г.

Дорогой Герольд!

Большое спасибо за Вашу статью «Благодарность собрату». Прочитать такую хвалебную статью о себе с одной стороны смущает, с другой стороны эта статья принимает уже сама качество ордена. Очень хорошо Вы к тому же отобрали фотографии: Какие мы были молодые в 1973 году в сравнении с 1994-ым! Хотя на том, позднем мы выглядим более солидными, степенными. А снимок 1973 года напоминает не только о том чудесном пребывании в казахской степи, в юрте, где мы тогда же приобрели нашу крестную дочку. Очень приятно видеть себя опять бок о бок с нашим хорошим другом Тахауи Ахтановым, к сожалению уже ушедшим. А мысленно появляются за этим снимком сразу и другие наши казахские, казахстанские друзья.

Еще раз – большое Вам спасибо! Я задержался немного с письмом, потому что приехал по стипендии на два месяца наш чукотский друг Юрий Рытхэу, которого мы с Шарлоттой переводим, и с которым я совершаю ряд поездок с чтениями.

А когда все-таки Вы приедете представлять Ваш Лексикон российско-немецких писателей германской общественности? И когда приедет

Абдижамил Нурпеисов, который обещал побывать в Берлине этой осенью?

Всего Вам доброго, дорогой Герольд! Привет Вам и всем нашим друзьям в Вашем окружении! Все это и от имени Шарлотты!

Ваш Лео.

***

Берлин, 12.01.2001 г.

Дорогой Герольд!

14 ноября Вы в письме ко мне прокомментировали рецензию Казака на энциклопедию «Немцы России». Я сообщил Казаку, что Вы написали, но с условием, что это доверительная информация, и что он без Вашего разрешения ею пользоваться не имеет право. Ему, конечно, Ваш отзыв очень понравился. Он хочет свою рецензию по разным адресам раздарить, в том числе послу ФРГ в России, которого он считает главным виновником грехов. В связи с этим Казак просит разрешения пользоваться Вашим комментарием.

Я прилагаю копию всего Вашего письма. Речь идет о втором абзаце («Ну, а энцикл. «Немцы России» он раздраконил...»). Решите по-вашему усмотрению. Можете передать Вашу резолюцию через меня, можете – если вам ин-

интересно установить личную связь – и прямо Казаку. /Prof Dr. Wolfgang Kasack. Schmerbachstr. 41, D-53804 Much. Tel: 049-2245 - 3952; Fax: 049-2245 - 912965; E-Mail: kasack@tronet.de/.

Я надеюсь, что Вы в хорошем настроении прибыли в Новый год. Всего Вам доброго.

Ваш Лео.

***

Берлин, 12.02.2001 г.

Дорогой Герольд!

Только что, наконец, написал Абдижамилу. Очень долго мы – и Шарлотта, и я – не успевали прочитать его роман «И был день». А роман, несмотря на отдельные длинноты – но мы читали с перерывами, оттого не уверены в таких впечатлениях – очень хорош. Это и в отношении поднятых проблем, и в художественном отношении. Надо еще сказать, что и язык блестящий. Что касается русского текста, надо за это очень похвалить и переводчиков.

Казаку я все передал – и Ваше разрешение, и Вашу просьбу. Передал и Ваш адрес, так что он, возможно, написал уже Вам лично, а я об этом не знаю. На всякий случай сообщите, если реакции положительной нет.

Я, конечно, рад за Вас, что касается «подарка». А еще поздравляю со всеми творческими успехами. Надо будет взять из библиотеки «Феникс» с Вашим романом.

Эрике Фогт я сообщу о Вашем намерении. Пока я ее по телефону не застал. Она могла уехать. Если не застану скоро, напишу.

Всего Вам доброго, привет уважаемой Рае.

Ваш Лео.

***

Берлин, 1.12.2002 г.

Дорогой Герольд!

Большое спасибо за «ПРИЯТНУЮ ВЕСТЬ ИЗ БЕРЛИНА». В Берлине появились очень хорошие рецензии, но особенно дорого мне восприятие моей книги о Volk und Welt в тех республиках, литературу которых я старался довести до наших немецких читателей. А Ваша рецензия не только очень приятная для меня, она и первая в таком смысле. Я знаю, что написала о моей книге и Белла Залесская в Москве (в моей книге она упоминается на стр. 193 – слишком коротко, если учитывать неоценимую помощь, которую она нам и лично мне оказывала, вроде московского «Герольда Бельгера» по литовской

литературе и не только по литовской). Но эта рецензия еще не появилась в печати.

Вы не только первый рецензент моей книги о Volk und Welt вне ФРГ. Четыре года назад Вы уже опубликовали статью «Благодарность брату», выдержкой из которой я завершаю свою книгу (печатаю только отрывок, чтобы этот финал не прозвучал слишком торжественно в пользу собственной биографии). Чем я могу Вас поблагодарить? Наверно, только учреждением увесистой премии имени Герольда Бельгера, удостоивая первым Бельгера этой премии. Это, к сожалению, не в моих возможностях. Хорошо, что хотя бы диссертанты взялись за Ваше творчество!

Ваша рецензия мне не просто приятна. Высылая свою книгу не знающим немецкий язык друзьям в разных постсоветских республиках (включая Россию), я прилагаю теперь Вашу рецензию, чтобы они, по крайней мере, получили понятие, о чем она. Полагаюсь на то, что Вы против такого «злоупотребления» не возразите.

Диссертацию я уже не напишу. Но с интересом познакомился бы с романом «Дом скитальца». По названию надо думать, что он посвящен судьбе российских немцев (по примеру того, что Вы пишете об этапах жизни Вашего отца). Положение здесь в ФРГ для литературы и вообще культуры не очень хорошее. ГДР назы-

вала себя Leseland, ФРГ справедливо называет себя Sprachgesellschaft. Со времени кончины ГДР у меня лежат еще несколько неосуществленных проектов, о которых тогда существовала даже договоренность с издательствами. Но не исключено, что удастся рецензия. По всему, что я знаю про Ваше творчество, я думаю, что книга написана – при конкретном сюжете – в общечеловеческом духе.

Примите мое соболезнование по поводу смерти отца. Он – опять, судя по трем этапам, – прожил трудную, но тем и богатую жизнь. Конечно, можно утешиться возрастом, до которого он дожил. Но покинуть жизнь, если не угнетают недуги, в любом возрасте жаль, а отец своим детям в любом их возрасте остается незаменим. Так я натыкаюсь на все новые вопросы, о которых мне так жаль, что не расспросил о них отца, когда он был еще жив (а он дожил до 83-летнего года жизни). Даже хотелось бы хоть на один день опять с ним побывать, чтобы обменяться нашими опытами жизни, услышать его мнение. (Не говоря уже о маме, которая умерла в возрасте, в котором теперешние женщины в моих глазах все еще девушки, а она, несмотря на это, – все остается мамой.)

Жаль, что нет у нас возможности общаться так моментально, как это разрешают факс или электронный мейл. Это даже с Абдижамилом

– президентом казахстанского ПЕН-клуба – не удается (он мне недавно звонил из Астаны). С другой стороны: ни факс, ни мейл не заменят таких обстоятельных, задумчивых, по форме прямо-таки библиофильских писем, какие я от Вас получаю.

Всего доброго, дорогой Герольд, сердечный привет Рае,

Ваш Лео + Шарлотта.

***

Берлин, 16.12.2003 г.

Дорогой Герольд!

Так прыгать ни Вашему давлению, ни Вам не полагается – тем более в степенном возрасте, даже если Вам не восемьдесят, как я наврал в статье о «Доме скитальца», а под семьдесят. Откуда у меня взялись те восемьдесят, я даже не знаю. Наверное, я просто исходил из впечатления от Вашей мудрости. Прошу прощения – не за впечатление, а за вранье.

При такой рабочей нагрузке, как ее представляет Ваш «отчет» о литературных делах, нельзя, конечно, удивляться, что здоровье протестует.

Вышла моя рецензия. Я высылаю журнал отдельной почтой. Но Вы не ответили, как быть, если найдутся интересующиеся издать на немецком языке Ваш роман о поволжских немцах. Согласны ли Вы с моими кандидатами? Можете ли Вы для такой цели предоставить еще экземпляр книги? Если возникнет серьезный разговор, то советую, без консультации со мной никакие договора не подписывать. «Наш» капитализм именно такой, как он описывался в партучебе. Например, издатели стараются обворовать авторов – при установлении гонорара, при неоплате автора в случае переизданий, предоставления прав для пользования текстом редакциями журналов, другими издательствами. А это все определяется уже договором.

Мне, конечно, приятны Ваши оценки моих переводов Абая. Нейман я предпочитаю именно за ее явную текстуальную точность. Там, где вместо дословности являются метафоры, трудно понять, насколько они соответствуют оригиналу, а насколько они – слишком свободная интерпретация. А рифмы я сознательно предпочитаю «unrein». Они такие – назовем их *Assonanzenreime* – определяют вообще тенденцию в немецкой современной поэзии. За несколько столетий чистые рифмы настолько «изношены», что эти рифмы-слова теряют всякий вес (будто вообще там слова нет). Это, конечно,

не обозначает «зеленую» дорогу для переводчика, заменять рифмы, чем попадетсЯ.

«Аул» – сложное дело. Я, конечно, мог в той строфе написать: «Liegt auch der Aul im Schlaf», но немецкий читатель этого без примечания не поймет. А примечание – смерть воспринятой поэзии. Это поняли бы еще в ГДР, где казахская литература распространялась сравнительно интенсивно и большими тиражами. Но ГДР уже 13 лет нет, а в ФРГ даже дикторы радио и телевидения английские фамилии произносят блестяще, а «восточные» – русские, казахские, грузинские фамилии – обязательно исковеркают и произнесут их с неправильным ударением. Даже Айтматова – на западе довольно известного – произносят Aimatoff. Так что, по моему, лучше уж быть не совсем точным в отношении аула. В рецензии я написал «Siedlungen». Это уже слишком неопределенно, на все применимо. Но для стихотворения тем более совсем не годится.

Вместо специальных поздравлений в письме, прикладываю приготовленную уже новогоднюю открытку собственного изделия⁶.

Ваш Лео.

---

⁶ Такое поздравление я, кажется, уже послал. Но ничего: "Doppelt halt besser"

Берлин, 21.06.2003 г.

Дорогой Герольд!

«В каком году – рассчитывай, В какой земле – угадывай, На столбовой дороженьке Сошлись два мужика...» Один из них был казахом (по крайней мере, принял казахские обычаи), и к старшим относился только с почетом, а другой был немцем (по крайней мере, принял немецкие обычаи), и ставил равноправие выше всего. Так сохраним взаимное обращение таким, каким оно прекрасно действовало уже десятилетия.

Я очень рад, что нам в этот раз удалось провести столько времени вместе, как еще никогда. Вообще я своим пребыванием в Алматы очень доволен – из-за премии, которую я считаю большой честью, и которая вместе с тем направлена на то, что для меня являлось самым главным в тридцати годах издательской работы, является таким главным до сих пор. И, конечно, я понимаю, насколько я обязан Вам лично за общественное признание того, что мне удалось сделать (а как жаль, что не удалось больше).

Незабываемы еще и те прогулки, которые мы вместе проделали – с встречами ветеранов, со случайными и не случайными встречами с Вебером и Шмидтом, с посещением «Парка им.

28 гвардейцев Панфиловцев»... А то пребывание в Вашем доме – за столом вместе с Раей! Намного четче отображается теперь в моей голове вся внешняя и человеческая география дорожного мне алматинского края.

Спасибо за вырезки из газет с откликами на вручение премий Казахского ПЕН-Клуба. На казахские приятно смотреть, так как они вероятно тоже положительные. А самая большая статья опубликована в русскоязычной газете. С нее я передаю копии всем, кто хочет что-то подробнее узнать про премии и про Казахский ПЕН-Клуб.

На днях должна появиться моя статейка в журнале «Ossietzky». Как я заранее сказал, в том журнале требуется краткость. Даже из того небольшого, что я написал, пришлось кое-что вычеркнуть. Зато это – журнал со славной традицией, с большим авторитетом (в первую очередь, у левых, но ненависть правых происходит тоже от этого авторитета). Я даже этой статейкой обязан Вам, надеюсь, что не слишком искажил полученную информацию.

Отдельной почтой вышлю фотографии – отдельной почтой, чтобы никто не подумал, что конверт полон банкнот. Те фото, которые отображают ветеранов, я прилагаю в таком числе, чтобы Вы могли передать по экземпляру тем, кто с Вами. Исключение – «генерал» Калмухан

Исабаев, ему я высылаю отдельно. Но передайте и ему при встрече привет от меня. А если чего-то не хватает, сообщите – пришлю. Жаль, что я у Вас в квартире, за столом, при Рае, не снимал.

Главное под конец. Я прочитал весь Ваш роман и сердечно поздравляю автора. Это и хорошая литература, волнующая, временами захватывающая читателя. Но и очень впечатляющее свидетельство об истории российских немцев после их выдворения из Автономной республики, живая информация о трагических перипетиях в их судьбах, а вместе с тем отображение соотношений с простым казахским народом – в какой-то мере объяснение, откуда появились такие люди как Герольд Бельгер, который на пользу и казахам, и немцам, и русским владеет их языками, знает их культуру, стал даже признанным специалистом по национальному казахскому поэту Абаю.

Это – только беглые наброски моего впечатления. Я должен еще раз пройтись по всему роману, чтобы написать отдельную рецензию. Жаль, что большого издательского влияния у меня уже нет. И перевести роман трудно. Но я уверен, что в Германии есть значительный потенциал читателей (среди переезжавших сюда российских немцев, и среди тех, кого такие судьбы по разным причинам интересуют).

Думаю, что в конце концов и издатель должен найтись. Среди моих друзей уже несколько выразили свой интерес прочитать роман (порусски).

Я не обзираю все, что в Германии – и не только в ней – на немецком языке издано на эту тему. Наверно, романа российско-немецкого автора с такой тематикой еще нет? В советское время он не мог появиться, а с тех пор? Одним словом – большое спасибо за подарок, который представляет для меня Ваш «Дом скитальца» («скиталец» можно очень по-разному перевести, правильно ли сказать «Das Haus des Heimatlosen»?) Если появятся какие-нибудь рецензии, пришлите, пожалуйста, чтобы я мог указывать и на них.

Привет Вам и Рае от меня и от Шарлотты. Обнимаю Вас, Лео + Шарлота.

***

07.05.2003 г.

«Ну, должен же быть у казахстанца Лео Кошута Абай.

Иначе Лео не поймет казахов, а Абай – Лео. А это было бы досадным недоразумением».

Герольд.

Пренден, 20.09.2003 г.

Дорогой Герольд!

Я, конечно, внимательно отнесся к такому посвящению в подаренной мне Вами книге АВАИ. Buch der Worte и внимательно ее прочел. А теперь надо проверить, насколько я из нее извлек способность «понять казахов» (да еще самого Абая). Прилагаю к письму две попытки перевести стихотворения Абая. Пришлось, к сожалению, исходить из русских переводов. Пожалуйста, проверьте, насколько мои тексты соответствуют казахским оригиналам. Я специально прилагаю тексты в двух экземплярах, чтобы Вы могли на одном СУРОВО И БЕЗ СКИДОК написать Ваши критические заметки и прислать их мне. До абсолютного соответствия все равно не дойти. Но я хотел бы, редактируя свои переводы, знать, к чему надо стремиться. Будь я моложе, то я поставил бы себе задачу перевести побольше. А так я, в крайнем случае, переведу еще одно стихотворение и в таком случае тоже пришлю, исходя из немецкой пословицы *Alle guten Dinge sind drei*.

5 октября мы с Шарлоттой едем на три недели в санаторий (Kur). Там я попытаюсь, еще раз прочитав Ваш роман «Дом скитальца», написать рецензию. Предварительно я попытался уже вызвать к нему интерес. Рецензия будет не-

большая – столько, сколько разрешает известный Вам уже журналчик «Ossietsky».

Фотографии, надеюсь, все до Вас дошли. Надеюсь, что никаких катастроф нет – особенно, что здоровье скорее улучшается, чем наоборот. Передаю приветы от Шарлотты Вам и Рае, а по случаю всем нашим друзьям.

Обнимаю Вас,

Ваш Лео.

***

Берлин, 22.03.2004 г.

Дорогой Герольд!

Поздно я отвечаю на Ваше оригинальное письмо-книгу. Сперва, утешаясь тем, что я только что – 19 января – Вам написал жалобу на теперешние издательские проблемы. А потом утонул в делах, которые не разрешали поднять голову. Не знаю даже, подтвердил ли я получение добавочного экземпляра книги «Дом скитальца».

А книгу «Карл Бельгер – мой отец» я только сейчас прочитал. Прочитал с большим интересом (прочитал за исключением казахских и узбекских текстов, но об их содержании догадываюсь).

В некоторой степени я был подготовлен к этому чтению – частично нашим давнишним знакомством, а особенно знакомством с Вашим романом «Дом скитальца». Но тем более интересно знакомиться с материалами, отражающими истоки романа.

Кроме того, я замечаю очень много такого, что нас роднит. При том, что я все время жалею, что слишком мало знаю о своем отце. Не расспрашивал я его о его жизни, когда бы я мог. В 42-м году – девятнадцатилетним – был призван в «Вермахт», после войны из-за любви к одной девушке не вернулся в Вену. С 1961 года граница для жителей ГДР была закрыта, так что я и тогда 12 лет до его смерти с ним не мог встречаться, а в целом с 1942 до 1963 года мы виделись слишком редко. А когда он умер, и я неожиданно получил возможность поехать на его похороны, я большинство из собранных им «бумаг» не мог спасти – только семейные документы. А чем больше я сам старею, тем больше вхожу мысленно в его жизненное положение. Перечитывая его письма ко мне, я – будто пророк – все время предвижу, сколько времени ему оставалось жить, когда он мне писал то или другое письмо. А с мамой дело вообще фантастическое: скоро (если я доживу) я достигну возраста, по сравнению с которым она только треть прожила. Как могла сложиться ее

жизнь, если бы она не умерла так рано! Женщины 29-ти лет и меньше мне кажутся молодыми девчонками. Только к маме такое определение не применимо. Вот, на такие раздумья приводит меня чтение Вашей книги.

А в целом – Вы составили не просто портрет Вашего отца, а наводите на думы о целом поколении, от жизни которого не раздумывая сегодняшние оппортунисты и многие политики подурячки отмежевываются. А что они оставят будущему поколению, чтобы оно могло вспоминать об их каких-нибудь человеческих, благородных деяниях? Это – в мире, когда главной ценностью стало эгоистическое стремление за наживой. Хорошо, что это не ко всем относится, но те перед напором глобализации бессильны – а ей подслуживает в Германии правительство из так называемых «социалдемократов».

Одним словом: спасибо Вам за книгу о Вашем отце.

В этом году исполнится 100 лет со смерти Абая. Я все думаю, не удастся ли мне заинтересовать один из наших немногих литературных журналов публикацией моих трех переводов абаевских стихотворений. Но это потребовало бы еще и статейку об Абае, что я мог бы выполнить, только пересказывая прочитанные статьи (в первую очередь, Бельгера). Я не уверен, найду ли я подходящую редакцию, но если

найду – не согласитесь ли Вы написать небольшую статью? Хотя, как я понимаю, у Вас такая рабочая программа, что с ней даже великанам, с которыми встречается Гулливер в своем путешествии, справиться было бы трудно.

А о немецком издании «Дома скитальца» новостей пока нет. Так нет и новостей об издании «Последнего долга» Абдижамила. Он сам собирался приехать сперва в январе, потом в феврале, а теперь уже март идет к концу, а новостей о его приезде у меня нет. «Интересно» одно: цензуры в «свободном» обществе нет. А не выходят у нас ни Герольд Бельгер, ни Абдижамил Нурпеисов, ни Отар Чиладзе, ни Василь Быков, ни Лев Гинзбург, ни Иосеб Гришашвили (я во всех случаях имею в виду последние или уже вроде классические произведения – а в ГДР эти писатели или активно издавались, или у меня под конец ГДР были даже уже издательские договоры). Зато издаются книги, которые и перечислить не интересно. Цензура денег!

Это не то, за что боролся Карл Бельгер!

Поклон Рае, привет от Шарлотты,

Ваш Лео.

P.S.: Конечно, я буду рад получить тамошние рецензии на Вашу книгу (например, Сайлаубека), а книгу «Герольд Бельгер» тоже.

Берлин, 07.05.2004 г.

Дорогой Герольд!

Недавно у меня появилась некая «Ольга», которая, ссылаясь на Вас и на свою научную работу, просила две Ваши книги. При встрече произвела хорошее впечатление. Я несмотря на опасения – книги ведь автором надписаны и мне, таким образом, вдвое дороги – дал ей книги. А сегодня она в договоренный срок снова звонила: все уже прочитала, а в понедельник книги вернет. Будем надеяться, что ее работа вызовет не менее положительные впечатления.

Об издании немецкого перевода «Дома скитальца» я пока все еще успеха сообщить не могу. Ни Aufbau, ни Suhrkamp, ни Insel (у этих двух имеется берлинский представитель), ни Kunstmann в Мюнхене, ни франкфуртский ту-рецкий издатель, с которым я вел переговоры и об Абдижамиле, не решаются. Чуть ли не единственная книга, которая в этой стране в почете, это – чековая книга.

На Лейпцигской Книжной Ярмарке я поговорил с издателем журнала «die horen» о возможной публикации в связи со столетием Абая. Тот такую возможность к концу года не исключал (а выходит его журнал только два раза в год). Но на посылку информационного материала он пока не откликнулся. Подожду еще немножко,

а потом обращаюсь и к другим. Литературно-политических журналов у нас, правда, не много.

Я тем временем перевел еще одно стихотворение Абая, о котором уже давно думал. Пожалуй, два или три года назад я в одной статье использовал из него даже одну строчку. Прилагаю Вам результат стараний. Они на этот раз оказались особенно трудными, особенно в третьей строфе. Исходным русским текстом был перевод А. Гатова. Буду ждать Вашего приговора.

Несколько дней назад у нас здесь были «казахские дни» – это с приездом Абдижамилла Нурпеисова. Но Абдижамил, побывав и в Брюсселе и в Париже, побывал в Берлине только несколько дней. Он жил у посла Казахстана – молодого, симпатичного, интеллигентного человека (К. Сарыбай), – на машине посольства мы с Абдижамилом съездили и во Франкфурт. Он оттуда на следующее утро полетел в Москву, а я на той же машине той же ночью вернулся в Берлин. Какая польза будет от разговора с тем турецким издателем, должно еще оказаться.

Я убежден, что Вы продолжаете работать не уставая, надеюсь, что здоровье Вам при этом не мешает. Шлю сердечный привет уважаемой Рае. От имени Шарлотты и от своего имени желаю Вам всего доброго, Ваш Лео.

Берлин, 01.08.2004 г.

Дорогой Герольд!

Редактора журнала *die horen* я зря обругал. Он мне 25 июля написал, ксерокопию его письма я прилагаю. Прилагаю также мой ответ ему (включая приложение: мои переводы с пронумерованными строками). Я ему написал так, чтобы он все же разрешил расширить эссе на три или две или хотя бы одну страницу. Но боюсь, что он не разрешит. В таком случае остается вопрос к Вам: Не согласитесь ли Вы написать три страницы об Абае для этого журнала, в котором в таком случае появятся и мои четыре перевода? (Я предполагаю, что Вы напишете по-русски, а я переведу Ваше эссе на немецкий язык, оно вырастет тогда объемом в три с половиной страницы. Я попытаюсь предложить еще портрет Абая – с условием, что он не пойдет за счет текста. Срок – 15 октября – требует, конечно, учитывать почтовый путь из Алматы в Берлин.

Norm-Manuskriptseite это 30 строк по 60 знаков (включая опущенные знаки между словами и знаки препинания, но при переносе слов). 30 Zeilen zu 60 Anschlägen (einschließlich Leeranschläge; mit Silbentrennung).

Для информации надо еще добавить: Литературные журналы существуют здесь чаще

всего за благодетельное отношение к ним авторов. Гонорара от них не ждать. Но я помню такой случай, что именно die hogen известной Вам Kristiane Lichtenfeld чуть ли не год после публикации ее интервью с Отаром Чиладзе о его романе «Авелум» (переведенном ею) перевел некоторые деньги. Так что и такие чудеса бывают.

Пожалуйста, сообщите мне поскорее, согласитесь ли Вы написать такое эссе.

Ваш Лео.

PS: Ваше эссе «На пути к немецкому Абаю» я попытаюсь предложить журналу славистики (или здешнему, или пражскому).

***

Берлин, 15.05.2005 г.

Дорогой Герольд!

Мы долго молчали из-за очень утомительного переезда, который нас занимал и до, и во время, и после переправки ста картонов и мебели на новое место. Но теперь мы, более или менее, здесь (по указанному наверху адресу) поселились.

Вчера я был в Потсдаме как участник выступлений по Пушкину. Там же узнал о том, что на этот год жюри решило вопрос о премии для Вас не в Вашу пользу. Но из административного окружения сего жюри нам уже до этого говорили, что шансы скорее мерещатся на следующий год. Я уверен, что посольство Казахстана предложение на следующий год снова внесет. Они Вам, как я думаю, сами напишут, а я выбежал вперед, имея по оказии первую информацию.

В Потсдаме я продолжил и разговор об издании Вашего романа. Кристиана, которая его очень хотела бы перевести и издать, в свою очередь, занимается этим вопросом.

У нас хоть и не зима, но для весны отвратительная погода: холодно, мокро... Но, в конце концов, должна же наступить настоящая весна. Мы надеемся, что в Казахстане в этом отношении все лучше.

На время более теплой погоды Вы обещали мне книгу Ваших эссе. Я им, конечно, буду очень рад.

А новая квартира вместе с нами надеется, что – самое позднее – по случаю потсдамской премии удастся обмыть ее с Вашим участием.

Пока всего Вам доброго, привет уважаемой Рае.

Дружески,

Ваш Лео.

Берлин, 12.06.2005 г.

Дорогой Герольд!

Спасибо за журнал (сам по себе очень интересный), за Вашу статью (она сама по себе для меня что-то вроде Нобелевской премии), за Ваш новый роман «Туюк су» и включенное в книгу письмо, за добавочный экземпляр романа «Дом скитальца» для Потсдама. Перечисляя все это, я понимаю, что я получил целую Weihnachtsbescherung.

Новый роман я, конечно, поскорее прочту, дам прочитать и Кристиане, которой это чтение может пойти впрок при (как я надеюсь) будущем переводе «Дома скитальца». А сам «Дом...» без задержки вышло Dr. Klaus Harig в Потсдам, напоминая ему, что он считает возможным помочь при получении денег для немецкого издания. Конечно, будем теперь надеяться на следующий год, что касается премии для заслуженного деятеля в области немецкой культуры Герольда Бельгера. Советник при посольстве Казахстана Нурлан Касымкулов на мое письмо по случаю исхода потсдамсу их решений в этом году еще не отозвался.

А Ваша статья «На пути к немецкому Абаю» – блестящая работа. Это я пишу не только оттого, что она мне лично очень дорога, а имея в виду убедительность аргументации, ширину

взгляда, который делает статью достоянием не только немецкого обзора переводческого «пути к Абая», а придает теме международное значение. И написал статью художник слова.

Вы, видимо, поняли, что Абай стал для меня не просто интересной попыткой, но серьезной задачей. Вы мечтаете о том, чтобы «составить сборничек Абая на немецком языке», а во мне загорелось уже при работе над переводом тех четырех стихотворений мечта, создать «сборничек» стихотворений Абая на немецком языке. Но я бы этого без Вас не смог.

Во-первых, состав требует настоящего знатока Абая (по оригиналу). Во-вторых, я даже при выборе отдельных стихотворений нахожусь целиком в зависимости от подходящих переводов на русский язык. А подходящими оказываются только те, которые не закрывают доступ до образов, лексики, синтаксиса, мелодики оригиналов. Этого даже самые поэтические переводы не дают, если в них доминирует поэтика переводчика. Вы это сами в своей статье убедительно показали.

Вряд ли можно ожидать, чтобы Вы сами подготовили подстрочники (а не найдутся ли копии с тех, которые готовились для Михаила Дудина?) А без Вашего совета, без критической проверки, дело не обойдется. Я уже не говорю о том, что кроме Вашего отбора потребуются

Ваши адресованные к немецкому читателю послесловие и примечания.

«Сборничек» – правильное слово. Мне все-таки самому идет 82-ой год. До начала следующего года я должен вместе с Кристианой Лихтенфельд завершить немецкое издание книги Иосеба Гришашвили «Литературная богема старого Тбилиси» при включении открыток Оскара Шмерлинга «Старый Тбилиси». Мы уже 15 лет назад этот план чуть ли не реализовали (был даже уже договор), но крушение ГДР, а вместе с тем противоречия в самой Грузии этому помешали. Но так как я не могу сесть за стол с намерением – вот теперь переведу то или другое стихотворение, а я живу постоянно с такой задачей – задача издания Абая была бы постоянно при мне (и во мне).

Возможно, что надо подумать, не издать ли одновременно немецкого Абая в Казахстане и в Германии. Очень вероятно, что к этому делу подключился бы Эльмар Фабер – бывший директор Берлинского издательства Aufbau, который после его выдворения западными немцами вместе со своим сыном создал в Лейпциге издательство Faber & Faber, которое занимает очень своеобразное положение на германском «издательском рынке» – в определенной мере включает в себя наилучшие традиции издательского дела ГДР, пользуясь всеми возможностями те-

перешней действительности. Он делает книги, на которые никто другой не решился бы. А при том это – маленькое издательство без больших капиталов. Когда выяснится, как задействует наше с Вами сотрудничество, я с Фабером поговорю.

Таким образом, Ваша статья не просто статья, а намечающаяся великая программа.

Большой Вам привет, Ваш Лео.

P.S.: У Вас новый индекс, или это потребовалось только при посылке книги с почтамта?

А что Вы мне скажете по поводу заведенной (якобы) в Казахстане латиницы? Рекомендуются ли пользоваться ею в немецких переводах, или лучше придерживаться нашей традиционной транскрипции?

***

Берлин, 30.04.2006 г.

Дорогой Герольд!

Спасибо за пополнение моей Бельгерской библиотеки. Удивительно, что Ваша «дурная голова» производит! Поздравляю Вас, конечно, с завершением романа «Разлад».

У меня дела движутся медленнее (правда, при попеременном обращении то к переводу Абая, то

к переводу Ашугов из книги Гришашвили; да пришлось мне еще рецензировать роман «Двенадцать обручев» Юрия Андруховича – сперва по симпатии к украинскому земляку, а после прочтения из-за несогласия с преувеличенными восторгами здешних критиков, которые, правда, хвалят в первую очередь страстного поклонника Евросоюза; а столетие рождества Мусы Джалиля меня тоже занимало, тем более, что я связан с первыми – и до сих пор единственными – немецкими изданиями его «Моабитской тетради»). И все же:

А пока я писал это письмо, почтальон принес Вашу посылку с книгой «Тридцать семь стихотворений». Большое спасибо. Я обрадован и читаемостью шрифта для подстрочников и увеличенным выбором стихотворений для продолжения работы. Ваши сообщения о возможной книге в Казахстане звучат интересно. Никаких возражений против использования для Вашей книжки «Властелин – Слово» нашей с Вами переписки у меня, конечно, нет. (Надеюсь, что особенно тяжелые мои грехи против русского языка Вы исправите.) А для перевода той Вашей статьи на немецкий язык понадобятся определения стихотворений, из которых взяты Ваши цитаты из Абая, и подстрочники тех стихотворений, чтобы цитаты можно было перевести со знанием всего текста. (Но это я пишу,

уже имея в виду возможное будущее немецкое издание стихотворений Абая в ФРГ.)

Роллана Сейсенбаева я задним числом поздравляю с шестидесятилетием. Знал бы я заранее дату и его персональный адрес, я бы ему лично написал.

Обнимаю Вас, Лео.

***

Берлин, 25.06.2006 г.

Дорогой Герольд!

Подхожу к завершению своего плана, но здесь появляются большие новые проблемы. После стихотворения «Қыс» / «Winter» я взялся за «Жаз» / «Sommer». Дело особенно сложное. Это – в отличие от философских – повествовательное стихотворение. Этому надо подчинить и метафоры, и рифмически-ритмическое построение строф. И осуществить целостность стихотворения, его живую душу приходится по-другому. А подстрочный перевод настолько беспомощный, что я сегодня прервал работу над стихотворением, хотя очень хотел бы его включить в свои «Двадцать». Стихотворная структура у самого Абая другая, чем в его философских стихотворениях. Я это чув-

ствую, всматриваясь в недоступный для меня по содержанию оригинал. К тому же вижу, что и русские переводы формально как и по содержанию сильно друг от друга отличаются. Учитывая все это, я строю структуру ближе к Александру Жовтису (это и с учетом его перевода, как и того, что о нем сообщается в библиографической заметке).

До половины своего черновика (который надо еще доработать во всех тех отношениях, о которых я выше написал), я дошел. Но потом понял, что подстрочный перевод не только умалчивает о всех формальных вопросах – он даже «подстрочное» дает с непонятными пробелами, особенно во второй половине. Даже простой подсчет это подтверждает: в оригинале 60 строк, в «подстрочном» переводе 51. А здесь и русские переводы не помогают: Они по-разному тоже сокращают или не сокращают. Я бы очень хотел доделать этот перевод (потом пройтись еще раз по всему тексту, в котором и рифмы, и ритм, и метафоры требуют еще доработки – не говоря о целостности, о в целый текст воплощенной душе стихотворения). Но без Вашей помощи мне это не удастся. (Между прочим: особенно сложная деталь: «стригунок», для которого в немецкой речи соответствия нет; а имеется ли оно в языке российских немцев?)

Не хватает еще по моим намерениям пяти стихотворений. Одним должно стать «Лето». По Вашим подстрочникам (из них два стихотворения у меня уже были) я думаю о следующих: «Случаются такие мгновения» (хотелось бы на тему поэзии – из переводов Михаила Дудина также возможны «Этих воплей шум пустой», «Не для игры я стал писать», «Стихами для забавы не грешу»), «Мотылек, нарядный, как павлин», «Что ж ты делаешь со мной?» (но я не уверен, справлюсь ли с этим – при очень коротких, сжатых строках – очень длинным стихотворением, в котором легко потерять динамику переживаний). Может быть, Вы как *Neigausgeber* мне что-то в отношении выбора подскажите. (Например, и о том, от каких готовых переводов все же лучше отказаться – например, от «*O Gott erhöre mich doch*» / «Патша құдай, сыйындым?»). Все же – перед нами – *Endspurt*.

На всякий случай сообщаю, что нас с 7 до 22 июля дома не будет, мы с Шарлоттой едем в польский курорт Колобжег у Балтийского моря (в бывшем – немецкий *Kolberg*).

Обнимаю Вас,

Лео.

Берлин, 21.06.2009 г.

Дорогой Герольд!

Участвуя в электронных приписках к посланиям Светлане Ананьевой для ускорения Вашей связи с Кристиане Лихтенфельд, можно было от настоящей переписки совсем отучиться. Если я правильно ориентируюсь, Ваше последнее письмо ко мне было от 09.04.2009 года. А мои последние надо искать по мейлам Ананьевой.

Кристиане первую половину своего перевода с учетом Ваших объяснений еще раз просмотрела. На десять дней уехала на отдых у Балтийского моря (с польской стороны), и с новыми силами возьмется за бельгерский «Дом скитальца».

Упомянутое Ваше последнее письмо ко мне от 9 апреля было посвящено искусно изданному Абаю на трех языках. На это я уже как-то отозвался. Все же интересуюсь, как выглядят перспективы переиздания. Я бы, конечно, передал по экземпляру в три библиотеки: в Бывшую центральную ГДР (Deutsche Bücherei, Leipzig), в Бывшую центральную библиотеку ФРГ (Deutsche Bibliothek, Frankfurt/M.), в Берлинскую центральную библиотеку. При большом богатстве посылаю обыкновенно по экземпляру еще и в бывшую Ленинскую, и во

Всероссийскую Библиотеку иностранной литературы им. М. И. Рудомино. Так что во всех отношениях было бы хорошо получить книги из нового тиража.

«Семейная сага», несмотря на все отвлечения, движется. Еще четыре главы написать, и первый вариант текста – правда, еще без отбора фотографий – будет готов. Предположим, что к сентябрю завершу первый вариант. Потом пойдет редактирование (прибавки, сокращения, стилистика), отбор фотографий, которые пойдут рядом тематических блоков. То, что мне надо особенно проверить с помощью «действующих лиц», я грубо, для информации переведу на русский язык и пришлю тем, в чьей проверке я нуждаюсь. Проще, конечно, с теми, кто немецкий читает.

Сегодня по календарю начинается лето. Я надеюсь, что оно на Ваше здоровье хорошо повлияет (а на наше – тоже). Мы с Шарлоттой тоже собираемся на Балтийское море (но с немецкой стороны), с 4 июля на целых десять дней.

Обнимаю Вас, передаю Вам привет от Шарлотты и от обоих нас Рае,

Ваш Лео.

Лео + Шарлотта.

Berlin, 15.10.2009 г.

Дорогой Герольд!

Как хорошо было до издания нашего немецкого Абая: мы постоянно переписывались, да по существу. Конечно, хорошо, что книга тем временем появилась. Но постоянная переписка прекратилась.

Как хорошо было, пока нам немецкое издание Вашего романа «Дом скитальца» только мерещилось: Мы «персонально» переписывались, несмотря на долгий путь наших писем. Как хорошо, что рукопись перевода превращается сейчас уже в настоящую книгу. Но ради ускорения связи переводчицы Кристиане с Вами нам пришлось воспользоваться электронным объездом по дружескому маршруту, открытому Светланой. А «персональная» переписка уснула.

Пусть Ваш юбилей вернет нам постоянное ощущение близости благодаря взаимно возобновленному регулярному поступлению настоящих писем!

А все же я рад, что – пусть с маленьким опозданием – появится подарком не только автору, но и тем, кто боролись за это издание, и, в конце концов, подарком и читателям DAS HAUS DES HEIMATLOSEN.

Поздравляя Вас с этой книгой, я, конечно, горжусь тем, что я еще в 2003 году своей рецензией в журнале «Осецкий» и призывом к изданию книги в Германии сделал первый шаг к ее немецкой рецепции. Спасибо посольству Казахстана в ФРГ, которое, поддержав включение книги в «Казахстанскую библиотеку», нашло спонсора, и спасибо Немецко-Казахскому обществу, которое содействовало реализации этого пути. Ура присоединению издательства Hans-Schiler-Verlag к нашему энтузиазму. И слава Кристиане, которая – приглашенная шесть лет назад переводить Ваш роман, – с тех пор без колебаний поддерживала свою кандидатуру и в этом году, когда так поздно появились возможности издания, проделала героический труд, чтобы завершить перевод вовремя для его своевременного появления.

Как жаль, что здоровье не позволяет Вам прилететь на презентацию Вашей книги DAS HAUS DES HEIMATLOSEN. Но мы постараемся проинформировать Вас обо всем происходящем, как будто Вы персонально с нами. Будем надеяться на внимание немецких СМИ и на интерес читателей, хотя я здесь затрагиваю уже особенную тему.

А по отношению к Вашему здоровью хотелось бы пожелать, что появление Вашего романа в Германии – художественного явления, но

и волнующего отклика на трагическую и победную жизнь автора – окажется действенным лекарством против всех Ваших недугов.

Herzliche Glückwünsche für Sie, lieber Herold, auch im Namen von Kristiane, im Namen Ihrer künftigen deutschen Leser, Grüße auch an Raja und an Ihre Gratulanten in Almaty von Ihren Freunden

Лео + Шарлотта.

Леонард Кошут с супругой Шарлоттой

Берлин, 20.01.2010 г.

Дорогой Герольд!

Спасибо за оптимистически-новогоднее письмо от 14 декабря. Спасибо за еще один экземпляр «Двадцати стихотворений на трех языках» Абая. Спасибо за Ваше внушительное «Резюме». Спасибо за добрые пожелания.

Я повторяю свои пожелания счастья, предвидя уже приятные для Вас (и для Ваших друзей) происшествия, которые Вам наверное уже известны.

Первая презентация Вашего «Haus des Heimatlosen» произошла еще в декабре в связи с научно-культурной конференцией Германо-Казахского общества и Посольства Казахстана. Там представитель посольства Адильбек Альжанов очень хорошо, сердечно выступил об авторе книги. Кристиане очень убедительно говорила о самом романе, о его достоинствах в смысле изображения времени и художественных требований к переводчику. А я, соглашаясь и с Адильбеком и с Кристиане, обратил внимание читателей Вашего романа на то, что они читают не Бельгера, а воодушевленную Бельгером Кристиане Лихтенфельд, которая – как любой хороший переводчик хорошего иноязычного произведения – должна была находить русским метафорам и диалогам и т. д. адекват-

ные немецкие соответствия. Это относилось к критикам и публицистам, которые слишком часто забывают называть переводчика, делая вид, будто они читали определённое произведение в оригинале. Но официальные мероприятия по общественному представлению Вашего романа начнутся с февраля.

Снова перепечатали мое эссе об Абае и проблемах перевода в солидном издании пражских славистов «Die Ost-West-Problematik in den europäischen Kulturen und Literaturen» (Herausgeber: Siegfried Ulbrecht und Helena Ulbrechtova; Slawisches Institut der Akademie der Wissenschaften in Prag, Neisse Verlag / Praha Dresden 2009). Эти Ульбрехты активно связаны с журналом: *Germanoslavica / Zeitschrift für germanoslavische Studien*, Prag. Я об этом пишу такие детали, потому что они предлагают прислать Вам бесплатно названную книгу, если Вы твёрдо пообещаете написать для них статью. Я сперва собирался прислать Вам и моим партнёрам, Светлане и Айнур, по экземпляру книги, но оказалось, что она очень дорога при объёме в почти 800 страниц. Я сделаю для Вас копию содержания, а если Вы пойдёте на то предложение, Вы лучше уже продолжите переписку с самими Ульбрехтами.

Начался год Германии в Казахстане. Было бы не плохо, если бы Ваше издание «Двадцати

стихотворений на трех языках» вышло в нормальном виде, и я получил нормальное число экземпляров. Я ведь предоставляю свои книги и книги с моими публикациями целому ряду государственных или ученых, общественных библиотек как и Академии искусств. Раньше, в ГДР, у них было довольно денег для собственного заказа, а издательство «Фольк унд Вельт» самостоятельно высылало переводы авторам и издательствам и редакциям в СССР.

Айнур прислала мне копии с моих статей на казахские темы, которые она переводит для двуязычного сборника. Я сам удивился, что получается довольно заметная книжка. Здесь я еще никогда не публиковал сборники своих – не только о казахских авторах – статей. А теперь, завершая издания своей «Семейной саги», думаю о ряде книг, которые мне следовало бы еще составить и издать «под занавес», если Аллах или один из его международных «партнёров» на это оставит время.

Несчастье Абдижамила и Ажар с потерей уже второй дочери нас с Шарлоттой тоже очень болезненно тронуло.

Привет уважаемой Рае и нашим с Вами общим друзьям!

Лео.

P.S.: Прилагаю фотографии: Кристиане переводит «Дом скитальца» Герольда Бельгера.

*Кристиане Лихтенфельд за переводом романа
Г. Бельгера "Дом скитальца"*

***

Берлин, 24.04.2012 г.

Дорогой Герольд!

Я очень надеюсь, что Вы при хорошем здоровье. Мы здесь были заняты целым рядом приемов и конференций по поводу двадцатилетия суверенитета Казахстана. Были и прием посольства, и конференция Германо-Казахского общества (а на соответствующих встречах кир-

гизов я встречал частично тех же людей). Мы с Кристиане стараемся всюду добиться активных мероприятий для публикации Вашего романа. Но это – дело трудное, Вы могли об этом судить по сумме Вашего гонорара, о чем мы по телефону разговаривали.

Вы, конечно, следили за тем, как у нас быстро следовали один президент за другим. Но хочется все-таки подчеркнуть, что президент Вулфф, которому пришлось так скоро покинуть свой пост, подвергался заслуженной критике (слишком много у него богатых друзей и выгод от них), а Кёлер, который удостоил Вас орденом, ушел со своего поста, потому что он сказал правду, и его за это критиковали (в Афганистане Германия участвует в войне, а не только в акциях, похожих на войну).

Сегодня я спешу только объяснить, почему я несколько дней назад отправил Вам еще один экземпляр моей «Семейной саги». При бывшей типографии работала переплетная мастерская, которая переплетала книги с помощью клея, и делала это плохо. Потому книга, которую Вы «листами, оглаживали, обнюхивали» и так далее, наверно давно рассыпалась на отдельные листики. Та типография заслуженно обанкротилась, мой издатель нашел другую переплетную мастерскую в Чехии, а там делают переплет с помощью ниток (*Fadenbindung*), что при

таким объеме намного надежнее. А реестр я выслал отдельно, потому что по весу толстая посылка получилась бы намного дороже. А я хочу, чтобы у Вас был хороший экземпляр. Пожалуйста, подтвердите получение и того, и другого.

У нас после почти морозной Пасхи начались теплые дни, и я надеюсь, что это настоящее начало весны. Надеюсь, что и у Вас проходят такие приятные процессы.

Обнимаю Вас

Лео + Шарлотта.

***

Берлин, 28.09.2012 г.

Дорогой Герольд!

Наконец, надеюсь, донести поздравления без опоздания. А с этого и начну: Мы с Шарлоттой поздравляем Вас с предстоящим днем рождения. Желаем ЗДОРОВЬЯ, быстрого продвижения книг, которыми вы подводите итоги собственных семидесяти восьми лет жизни и судьбы Ваших соотечественников (понимая под соотечественниками в первую очередь депортированных с Вами из приволжской родины) и всего полагающегося Вам человеческого счастья.

Долго мы с Кристиане добивались у издательства им. «Шилера» вечера, посвященного Вашему (а в переводе – помимо литературных оценок и дружеских отношений и «нашему») роману «Дом скитальца». Теперь это состоится буквально в канун Вашего дня рождения. Но выступать будет Кристиане без меня: мне приходится участвовать 25 октября в большой конференции в Лейпциге, посвященной RUB (Международной библиотеке лейпцигского издательства «Реклам»). Эта тема соответствует приблизительно тому, что пришлось сказать про издательство «Фольк унд Вельт» при его кончине. А это лейпцигское издательство, конечно, тоже уже не существует. Так что я обязан там выступать, а Кристиане своего автора Бельгера и без меня хорошо представит – тем более, что она – его переводчица.

А я – пытаюсь не слишком отставать от Вашей продуктивности – на днях сдаю в издательство свою новую книгу: *Der Hut flog mir vom Kopfe / Majakowskis Zylinder?* А в завершение сегодняшнего письма: Еще раз – Да здравствует наш алматинский друг Герольд! Ураа! Привет Рае!

Ваши берлинские друзья

Шарлотта и Лео.

*Леон Коцут с супругой Шарлоттой,
Германия, 2012 г.*

Содержание

I. Статьи о Л. Кошуте.....	5
Приятная весть из Берлина (о книге «Фольк унд Вельт» и ее авторе).....	5
На пути к немецкому Абаю.....	21
Абай в германском журнале.....	51
Семейная сага Лео Кошута.....	54
 II. Из переписки с Лео Кошутым.....	 69
 III. Письма Лео Кошута.....	 93

Герольд Бельгер
«О ЛЕОНАРДЕ КОШУТЕ»
(статьи, эссе, письма)

Ответственный редактор:
Сафар Абдулло

Компьютерный дизайн: Карпун К.
Компьютерная верстка: Корчина Т.
Корректурa: Корчина Т., Фомина О.

Подписано в печать 22.01.2013 г.
Формат 70x90 1/32
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Услов. печ. л. 5,3 Уч. изд. л. 10,5
Тираж 500 экз. Заказ № 16.

ТОО Издательский дом
«Библиотека Олжаса»
050029 г. Алматы, ул. Мауленова, 92.
Тел. 267-64-04, 267-63-15.

Отпечатано в типографии
ТОО «Полиграфсервис».
050050, г. Алматы, ул. Зелёная, 13 «А».

Бельгер Герольд Карлович

Выдающийся казахстанский писатель, переводчик, публицист, свободно пишущий на трех языках - казахском, русском, немецком. Родился 28 октября 1934 года в России, в городе Энгельс, в семье поволжских немцев. В 1941 году его семью, как этнических немцев, депортировали в Казахстан. Вырос в казахском ауле, учился в казахской средней школе, свободно владеет казахским языком. Окончил филологический факультет Казахского педагогического института в г. Алматы. После окончания института работал учителем русского языка, затем в литературном журнале «Жұлдыз». С 1971 года член Союза писателей Казахстана. С 1992 года был заместителем главного редактора немецкоязычного альманаха «Феникс». Писатель выпустил около 50 книг, изданных в Казахстане, России и Германии, которые получили мировое признание. Бельгер написал большое количество статей, эссе, очерков и литературных рецензий, является лауреатом Президентской премии мира и духовного согласия (1992), имеет Орден «Парасат» за № 1 (1994), Орден «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия» (2010).

Герольд Карлович Бельгер заслужил особое уважение и почитание среди читательской аудитории благодаря своей писательской бескомпромиссности и честности.

ISBN 978-601-7315-42-9

9 786017 315429